

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АЛИШЕРА НАВОИ**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**На правах рукописи
УДК – 891.709**

АСАДОВА НИЛУФАР ВОРИСОВНА

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПОЭТИКА РОМАНА
«ТИХИЙ ДОН» М.ШОЛОХОВА**

**5А2210101 – ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
(РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА)**

На соискание степени магистра филологии

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**Работа рассмотрена и допущена
к защите 25 мая 2013 года**

**Зав. кафедрой
мировой литературы
доц.Ишниязова Ш.А. _____**

**Научный руководитель:
доц. Ишниязова Ш.А.**

М.П.

Самарканд – 2013

ВВЕДЕНИЕ

Выбор темы. Роман-эпопея - разновидность романа, с особой полнотой охватывающая исторический процесс в многослойном сюжете, включающем многие человеческие судьбы и драматические события народной жизни. Ничто не может развиваться без опоры на традиции, без того, что сделано предшествующими поколениями. Русская литература XX века не составляет в этой связи исключения. Все лучшее, что было создано гениями XIX столетия, усвоено, осмыслено и новаторски развито М. Горьким, М. Булгаковым, М. Шолоховым и многими другими писателями.

Из века XIX пришли в русскую литературу темы, идеи, проблемы, жанры. В новых общественных условиях они порой наполнялись иным смыслом, но главным явилось то, что художники слова не отказались от прошлого, не “сбросили Пушкина”, а заодно и многих других с “корабля современности”. Как известно, произведение М.Шолохова стало уникальным в литературе XX века по степени охвата действительности. В нем соединены быт отдельного человека и жизнь народа, эпохальные исторические события и духовные поиски частных лиц, великих и неизвестных, реальных и вымышленных, глубокий психологизм и глубина авторских размышлений. Все это и делает его романом-эпопеей. Прошло менее ста лет, и русская литература подарила миру книгу, автор которой творчески осмыслил традиции Л. Толстого уже на новом историческом этапе: “Тихий Дон” М. Шолохова.^(22.56) Но что может быть общего между замыслом Л. Толстого воплотить всенародную борьбу с иноземным нашествием и “Тихим Доном”, раскрывшим кровавые конфликты гражданской, т. е. внутринациональной, войны? На мой взгляд, сходство между двумя романами заключено в стремлении их авторов показать столкновение значительных общественных сил, втянутых в грандиозный социально-исторический конфликт. Отсюда такое пристальное внимание писателей к “мысли народной”. Национальный характер, душа народа - вот

предмет художественного исследования М. Шолохова, продолжившего традиции Л. Толстого.

Актуальность магистерской диссертации. Вопросы изучения авторского сознания в произведении и форм его выражения остаются по-прежнему актуальными. В романе «Тихий Дон» автор подробно говорит о тех духовных ценностях, которые передаются из поколения в поколение в народе, подчеркивает трудолюбие донских казаков, их связь с землей. Даже в ужасной братоубийственной войне не забывают они о том, что являются земледельцами: «Надо было пахать и сеять. Земля звала, тянула к работе». Обильно поливая потом донскую землю, люди не просто обеспечивают свою жизнь, но сливаются с природой: «Выходили на покос всем хутором сразу..., одевались будто на годовой праздник. Так повелось исстари». (8.63)

Но впереди народ ждало самое страшное испытание. Волна кровавого братоубийства набежала на Дон. И вновь мы видим толстовский взгляд на войну: справедливой может быть только освободительная война. Однако Шолохов уверен, что никакие кровавые схватки не уничтожат нравственные ценности, которые веками складывались в народе. Роман «Тихий Дон» является примером мужества и терпения личности и людей в переломный период страны, когда определяется судьба не только одного человека, но и целого народа.

Роман-эпопея Михаила Шолохова «Тихий Дон» стал открытием в мировой литературе, а его автор оказался в ряду гениальных художников XX века, чьи книги навсегда встали на «золотой полке» литературы. Шолохов сумел показать трагедию человека и трагедию народа в период великой ломки социальной системы. Судьбы героев даны как часть единого целого, но при этом каждый человек у писателя сохраняет неповторимость личности и жизненного пути.

Актуальность темы исследования магистерской диссертации определяется следующими:

1. Прошлое, настоящее и будущее народа, история и судьба интереснейшей части его - донского казачества - вот тема романа, центр раздумий писателя. На примере одной семьи разворачивается повествование о том, как сплавляется и переплетается жизнь отдельного человека, семьи, хутора с жизнью страны.

2. Волей истории мелеховский хутор оказывается в центре событий, определяющих будущее не только их семьи, но и всей России на много лет вперед. Символично то, что именно через мелеховский хутор проходит линия обороны в Гражданскую войну. Его занимают то красные, то белые, и это сходно с метаниями и поисками одного из героев, Григория Мелехова, который ищет и не может найти правду ни у тех, ни у других.

Цель магистерской диссертации:

- выявление художественных особенностей поэтики романа «Тихий Дон» на материале романа.

- описать основные формы выражения авторского сознания и их роль в организации художественного мира романа.

Исходя из цели исследования **задачей магистерской диссертации является**

- Раскрыть субъектно-объектные связи автора и героев романа.

- Определить основные художественные средства, применяемые в повествовательной речи для создания объективности повествования.

- Выявить характерные черты авторского подхода к изображению и характеристике персонажей, к мотивировке их поведения.

- Рассмотреть внесубъектные формы выражения автора - тональность повествования, сюжетно-композиционную структуру произведения и особенности передачи времени, как моделирующего авторскую концепцию бытия.

- Проанализировать особенности субъективации автора через пейзажные описания.

- Описать основные приемы введения авторского сознания в текст произведения, такие как авторский комментарий и внутритекстовые примечания.
- Проникновение в поэтику художественного произведения.
- Раскрытие всего многообразия выражения в ней автора как творца является одним из приоритетных направлений в литературоведении в настоящее время.
- Попытка раскрыть особенности проявления авторского сознания в романе.

До недавнего времени все работы по творчеству М.А. Шолохова несли на себе отпечаток советской идеологии, в угоду которой делались выводы о концепции и идейном содержании «Тихого Дона». Однако многочисленные споры о значении и судьбе главного героя, ракурсах изображения исторических событий являются одним из ярких показателей необходимости поисков новых подходов к анализу романа. К тому же с начала девяностых годов двадцатого века отечественные исследователи заговорили о необходимости переосмысления произведения. Попытка раскрыть особенности проявления авторского сознания в романе, которую мы предприняли в этой работе, может послужить основой для нового взгляда на поэтику и идейное содержание «Тихого Дона»

Степень изученности. Шолохова в русском и зарубежном литературоведении уделялось много внимания. Особенности романа «Тихий Дон» рассматривали в своих работах А.Ф. Бритиков, В.Г. Васильев, В.В. Гура, Г.С. Ермолаев, В.М. Литвинов, НН. Маслин, П.В. Палиевский, В.В. Петелин, С.Н. Семанов, С.Г. Семенова, С.И. Сухих, В.М. Тамахин, А.И. Хватов, Л.Г. Якименко и другие. Большое количество трудов было посвящено исследованию жанра и поэтики произведения. Отдельная группа ученых и публицистов занималась и занимается до сих пор спорами об авторстве «Тихого Дона», которые зачастую вовсе выходят за рамки филологической науки. Проблему форм выражения авторского сознания в романе так или иначе затрагивали в своих монографиях В.В. Гура, Г. С.

Ермолаев, В.М. Тамахин, Л.Г. Якименко и другие исследователи творчества писателя, но системного исследования по этой теме до сих пор не проводилось, чем объясняется научная новизна нашей работы. Она обусловлена разработкой нового подхода к анализу «Тихого Дона» через призму проблемы автора, определением основных форм авторского присутствия в тексте произведения, раскрытием диалектики субъект-объектных отношений автора и персонажа, обобщенным взглядом на специфику авторского подхода к сюжетно-композиционному строению и временной организации произведения, на способы создания эпической тональности, классификацией многообразия видов авторского комментария, вычленением и разбором такой формы выражения авторского сознания как внутритекстовые примечания.

Объектом исследования является текст романа Шолохова «Тихий Дон». В процессе подготовки был проведен анализ доступных нам различных редакций романа современных изданий, и в качестве наиболее отвечающего задачам нашего исследования выбран текст собрания сочинений Шолохова 1956 года выпуска, исправленный автором.

Мы намеренно отказались от обращений к другим произведениям писателя, так как это излишне расширило бы поле исследования, учитывая, что стиль Шолохова заметно изменяется даже на протяжении «Тихого Дона», не говоря уже о сравнении его с романами «Поднятая целина» и «Они сражались за Родину»^(8.125).

Предмет исследования - формы выражения авторского сознания в романе Шолохова «Тихий Дон». Мы не претендуем на анализ всего их многообразия, но, основываясь на теоретических разработках проблемы автора М.М. Бахтиным, А.М. Булановым, В.В. Виноградовым, И.П. Карповым, Б.О. Корманом, М.Б. Храпченко и др., выделяем наиболее существенные и значимые для данного романа.

Методологическую базу нашего исследования составляет принцип системного анализа, включающего в себя конкретно-исторический,

структурно-типологический и герменевтический аспекты изучения художественного материала. Теоретической основой диссертации послужили труды М.М. Бахтина, А.М. Буланова, В.В. Виноградова, И.П. Карпова, Б.О. Кормана, М.Б. Храпченко, затрагивающие проблему автора, а также А.Ф. Бритикова, В.В. Гуры, Г.С. Ермолаева, С.И. Сухих, А.И. Хватова, Л.Г. Якименко, посвященные поэтике «Тихого Дона».

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Авторское сознание в романе Шолохова «Тихий Дон» характеризуется эпической широтой восприятия мира, постоянным соотношением частного и исторического, личного и общественного, утверждением высоких гуманистических принципов жизни. Выражаясь в специфике субъект-объектных связей, сюжетно-композиционной структуре, тональности, временной организации произведения, пейзажных зарисовках и авторских отступлениях,

1. Этот факт, отмечаемый многими исследователями творчества писателя, является также краеугольным камнем обвинений Шолохова в плагиате.

Оно проявляется во включении в описания многих точек зрения, в активном использовании фольклорных элементов, эпического параллелизма и в других особенностях поэтики романа.

2. Субъект-объектные отношения автора и персонажа являются теми точками опоры, на которых строится все здание романа. Стремление Шолохова к наибольшей самостоятельности героев «Тихого Дона» определяет использование таких разновидностей текстовых интерференций, как несобственно-авторское повествование и несобственно-прямая речь, позволяющих автору дистанцироваться от созданных им образов. Но его влияние на них можно проследить через определение мотивации поступков персонажей, отведение главенствующей роли чувству, «велению сердца». Авторские оценивающие характеристики, содержащие эмоционально окрашенную лексику, выявляют его мировоззренческую позицию. Анализ

проявлений авторского сознания особенно важен для постижения противоречивого и неоднозначного образа Григория Мелехова, через изображение жизненного пути, взаимодействий с другими персонажами, поведенческие мотивы которого передается и авторское отношение к происходящему.

3. Использование фольклорных элементов, сближение художественных приемов с народной поэтикой, отстраненное изложение событий и авторские обобщения, постоянное соотнесение жизни людей и законов природы, мироздания, создают особую эпическую тональность произведения, которая на эмоциональном уровне передает авторское отношение к действительности. Мироощущение автора определяет изображение времени в романе, особенности течения которого, восприятия его персонажами находятся в прямой связи с описаниями мирных и военных периодов. Определяющим в плане выражения авторской концепции бытия, является образ-символ реки, воплощающий в себе философию движения жизни.

4. Сюжетно-композиционная структура «Тихого Дона» как одна из внесубъектных форм выражения автора характеризуется широким использованием психологического и эпического параллелизма, сочетанием основной сюжетной линии со множеством ответвлений и вставных эпизодов, фольклорными вкраплениями, обрамлением глав авторскими отступлениями, что позволяет автору показать свое отношение к происходящему, не нарушая при этом общей эпической объективности повествования.

5. Пейзаж в «Тихом Доне» при наглядной самостоятельности картин природы связан глубокими психологическими и эпическими параллелями с основным повествованием. Насыщенный символическим смыслом, он является средством выражения философских воззрений автора

6. Авторское отношение к описываемым событиям и действующим лицам наиболее открыто передается через комментарии лирического и нелирического характера, а также внутритекстовые примечания, которые являются характерной чертой стиля писателя.

Теоретическая значимость диссертации в том, что в современном литературоведении впервые представлено системное исследование форм выражения сознания автора в романе Шолохова «Тихий Дон». Созданная при этом модель авторологического анализа может быть применена в исследованиях других прозаических произведений художественной литературы.

Практическая значимость исследования состоит в том, что материалы диссертации могут быть использованы в вузовских и школьных курсах истории русской литературы XX века, а также при дальнейшем изучении творчества писателя и особенностей авторского сознания Шолохова.

Методологическая база исследования. Работа базируется на достижениях идеологии национальной независимости Республики Узбекистан, на важнейших положениях, выраженных в трудах и выступлениях Президента Республики Узбекистан И.А.Каримова, в области литературоведения.

Материал магистерской работы и ее задача определяют применение традиционных методов литературоведческого анализа, включающий в себя наблюдение, интерпретацию и классификацию материала; структурный метод, который предполагает выявление комбинаторных приращений смысла в тексте.

Методологическую базу нашего исследования составляет принцип системного анализа, включающего в себя конкретно-исторический, структурно-типологический и герменевтический аспекты изучения художественного материала. Теоретической основой диссертации послужили труды М.М. Бахтина, А.М. Буланова, В.В. Виноградова, И.П. Карпова, Б.О. Кормана, М.Б. Храпченко, затрагивающие проблему автора, а также А.Ф. Бритикова, В.В. Гуры, Г.С. Ермолаева, С.И. Сухих, А.И. Хватова, Л.Г. Якименко, посвященные поэтике «Тихого Дона».

Методы исследования. Работа строится на сочетании элементов контекстуального, сравнительного и художественного анализа романа

М.Шолохова «Тихий Дон». В данной работе рассматривается поэтика романа Шолохова «Тихий Дон». Анализируется структурный элемент произведения.

Рабочая гипотеза исследования. Специфика анализа художественных деталей позволит выявить особенности развития жанра романа и поэтики романа Шолохова «Тихий Дон».

Научная новизна магистерской диссертации состоит в том, что предлагается анализ романа Шолохова «Тихий Дон» в контексте эстетических, философских и художественных принципов его творчества.

Научная значимость работы. В работе сделаны попытки систематизировать художественные детали по тематической и художественной направленности. Прослежено развитие поэтической структуры романа Шолохова в контексте философских, гражданских и этических взглядов писателя.

Практическая значимость работы. Материалы исследования и их выводы могут быть использованы при написании курсовых и выпускных работ студентами и аспирантами.

Реализация результатов. Результаты и материалы магистерской диссертации по творчеству М.А.Шолохова могут быть использованы на лекциях, семинарских занятиях и спецкурсов студентами и магистрами.

Особое внимание уделяется на роль романа и художественное многообразие при воспитании будущего поколения.

Апробация работы. Основные положения магистерской диссертации обсуждены на заседании кафедры русской и мировой литературы. Содержание настоящего исследования отражено в трех опубликованных статьях : «Художественная особенность поэтики романа М.Шолохова «Тихий Дон», «Роман «Тихий Дон» М.Шолохова. Символика в романе», Судьба человеческая и судьба народная в романе М.Шолохова «Тихий Дон».(см.сборник: Филологические исследования. Сборник научных статей

Самарканд: СамГУ, 2012) Принимал участие в магистерских научных конференциях СамГУ, во время педагогической практики

Объем и структура диссертации. Общий объем работы - страницы. Диссертация состоит из введения, трех глав, Глава I. Художественная особенность романа «Тихий Дон»; Глава II. Женские образы в романе и их роль в композиционной структуре; Глава III. Язык романа "Тихий Дон", заключения, библиографического списка (более наименований).

Согласно поставленной цели, диссертация представляет собой последовательное рассмотрение форм выражения авторского сознания на разных уровнях структуры произведения и раскрывается поэтика романа. Начиная с анализа субъект-объектных отношений как основы художественной интерпретации исходного материала, мы переходим к внесубъектным формам выражения авторского сознания, определяющим эстетическую концепцию художественного бытия, а затем - к формам субъективации автора, наиболее открыто выражающим его отношение к изображаемому и несущим основную идейно-философскую нагрузку.

Во введении формулируется выбор темы, актуальность, цель и задачи диссертационной работы. При этом указывается степень изученности данной темы, приводится перечень научных трудов, монографий, книг.

В первой главе «Художественная особенность романа «Тихий Дон»», которая делится на три части исследуются основные вопросы, поднятые в цели данной работы. Главный, наиболее известный роман Шолохова 'Тихий Дон' представляет собой эпическое повествование о первой мировой войне, революции, гражданской войне, об отношении к этим событиям казачества. Один из главных героев романа Григорий Мелехов - вспыльчивый, независимо мыслящий казак, храбро воевавший с немцами на фронтах первой мировой войны, а затем, после свержения самодержавия, оказавшийся перед необходимостью выбора, - сражается сначала на стороне

белых, потом - на стороне красных и, в конце концов, оказывается в отряде 'зеленых'. После нескольких лет войны Григорий, подобно миллионам русских людей, оказался духовно опустошенным. Двойственность Мелехова, его противоречивость, душевные метания делают его одним из самых известных трагических героев советской литературы. Первоначально критика отнеслась к роману довольно сдержанно. Первый том 'Тихого Дона' вызвал нарекания тем, что в нем описывались события дореволюционной жизни с 'чуждых', как тогда выражались, позиций; второй том не устраивал официальных критиков, поскольку отличался, по их мнению, антибольшевистской направленностью.

В 30-е гг. Шолохов прерывает работу над 'Тихим Доном' и пишет роман о сопротивлении русского крестьянства принудительной коллективизации, проводившейся в соответствии с первым пятилетним планом (1928...1933). Озаглавленный 'Поднятая целина', этот роман, как и 'Тихий Дон', начал выходить частями в периодике, когда первый том еще не был закончен. Подобно 'Тихому Дону', 'Поднятая целина' была встречена официальной критикой в штыки.

Во время второй мировой войны Шолохов - военный корреспондент 'Правды', автор статей и репортажей о героизме советского народа; после Сталинградской битвы писатель начинает работу над третьим романом - трилогией 'Они сражались за Родину'. Первые главы романа увидели свет на страницах 'Правды' уже в 1943...1944 гг., а также в 1949 и 1954 гг., однако отдельным изданием первый том трилогии выходит только в 1958 г. Трилогия так и осталась незаконченной - в послевоенные годы писатель значительно перерабатывает 'Тихий Дон', смягчает свой сочный язык, пытается 'обелить' носителей коммунистической идеи.

Во второй главе рассматриваются женские образы в романе. Воплощением народной нравственности и нерушимых жизненных устоев. Такими являются в романе Аксинья, Ильинична и Наталья. Особым обаянием наделил автор романа Аксинью. Ей присущи и внешняя, и внутренняя красота. Она упорно борется за свое счастье, рано испытав всю

горечь женской доли, смело и открыто восстает против рабского, приниженного положения женщины, против патриархальной морали. В страстной любви Аксины к Григорию выражен решительный протест против загубленной молодости, против истязаний и деспотизма отца и нелюбимого мужа. Борьба ее за Григория, за счастье с ним – это борьба за утверждение своих человеческих прав. Мятежная и непокорная, с гордо поднятой головой, шла она против предрассудков, лицемерия и фальши, отвоевывая свое счастье с любимым человеком, вызывая злые толки и пересуды. Аксиныя необыкновенно красива. Мелехов — правдоискатель. В начале романа мы видим счастливого, самодостаточного человека, яркого, блестящего представителя настоящего казачества. Григорий Мелехов счастлив, он с упоением отдается любому занятию. Он прирожденный наездник, воин, сельский труженик, рыбак, охотник. Донская жизнь отдает ему лучшее, он идеально вписывается в нее. Война 1914 года поначалу кажется ему только временем высшей реализации, тяга к воинской славе в крови у казачества. Но реальность войны такова, что человек думающий и чувствующий не может смириться с бессмысленной жестокостью, нелепостью, ненужными и страшными человеческими жертвами, насилием. Григорий Мелехов ожесточается. То, что казалось бесспорным, теперь вызывает сомнение: верность «царю и отечеству», воинский долг. В госпитале Мелехов задумывается над будущим.

Несмотря на сугубо узкую и конкретную задачу — показать казачество в революции, Шолохов-художник одержал победу над Шолоховым-политиком. То, в чем советские литературоведы видели идейную слабость романа, оказалось его наивысшим достижением. Будучи советским писателем, Шолохов, безусловно, должен был в своем эпическом повествовании показать торжество коммунистической идеологии, ведущей народ в прекрасное завтра при помощи насилия. Но жизнь, отраженная в романе, оказалась гораздо сложнее, запутаннее, противоречивее. Ее палитра

отнюдь не ограничивалась двумя цветами — красным и белым. И то, что самый яркий, сильный и привлекательный герой романа — "несознательный" середняк Григорий Мелехов — глубоко чувствует и понимает эту истину, но в сложнейших условиях не может найти выхода из нравственного тупика, делает его трагически сложной личностью. Его образ вошел в историю отечественной литературы как Онегин Пушкина, Печорин Лермонтова, Базаров Тургенева, ибо в нем соединились лучшие типичные качества донского казачества в годы войн и потрясений начала XX века, его судьба отразила трагедию миллионов, захваченных грозной революционной стихией. Подобно Юрию Живаго, сомневающемуся и безвольному герою пастернаковского романа, Григорий Мелехов служит то у красных, то у белых.

В третьей главе «Язык романа "Тихий Дон"» Михаила Шолохова подчеркивается неординарность языка романа. Нельзя сказать, что Шолохов открыл что-то новое в русской словесности, но в целом – по совокупности признаков – его проза выделяется среди общей массы произведений того времени. Рассмотрим некоторые детали, характерные для романа.

Первое, что привлекает внимание, это диалектная лексика и просторечия. Используются они не только для обозначения бытовых реалий ("майдан", "баз", "курень", "жалмерка" и т.п.), но значительно шире: и реплики персонажей, и авторский описания, частично изложены на диалекте ("гутарили про него на хутору чудное ..."). Кроме того, экспрессивность текста значительно повышается благодаря частому (по два-три раза на страницу) появлению эмоциональных морфологических производных: "непролазь", "кleshнятый", "заосенять". Такое пристрастие к диалектизмам может диктоваться как происхождением самого Шолохова, так и его желанием полнее погрузит читателя в мир донского казачества.

Следующая особенность стиля "Тихого Дона" – это его высокая метафоричность. Причем метафоры слабо организованны или неотобранны:

они не выстраиваются в смысловой ряд, ассоциации носят локальный, дробный характер. Особенно нагружены метафорами пейзажи, картины природных явлений. Неоднородность образного ряда можно показать на примере описания грозы, разворачивающегося в пределах полутора страниц: сначала "первые зерна дождя заседали отягощенную внешней жарой землю", затем "над самой крышей лопнул гром, осколки покатались за Дон", и, наконец, "дождь царапал ставни".

Итак, в результате впечатление динамики процесса достигнуто, но образы не построены по аналогии, они ситуативны, принадлежат каждой конкретной фразе. При всем при этом метафоры Шолохова весьма оригинальны, некоторые из них сделали бы честь большому поэту. Многие сейчас уже затерты подражаниями ("полынная проседь", "под уклон сползавших годков"), но в то время это было новое веяние. Объяснением вышесказанного может быть молодость и неопытность талантливого писателя по началу и его нежелание менять устоявшийся стиль затем. С перегруженностью метафорами – по контрасту – сочетается прозрачность и простота синтаксиса. Текст написан короткими предложениями, преимущественно простыми. Когда описываются некоторые действия, то каждой фазе соответствует свое предложение.

В Заключении в соответствии с заявленными во Введении целями и задачами формулируются итоги и общие выводы исследования.

Язык романа "Тихий Дон" Михаила Шолохова неординарен. Нельзя сказать, что Шолохов открыл что-то новое в русской словесности, но в целом – по совокупности признаков – его проза выделяется среди общей массы произведений того времени. Рассмотрим некоторые детали, характерные для романа.

Первое, что привлекает внимание, это диалектная лексика и просторечия. Используются они не только для обозначения бытовых реалий ("майдан", "баз", "курень", "жалмерка" и т.п.), но значительно шире: и реплики персонажей, и авторский описания, частично изложены на диалекте

("гутарили про него на хутору чудное ..."). Кроме того, экспрессивность текста значительно повышается благодаря частому (по два-три раза на страницу) появлению эмоциональных морфологических производных: "непролазь", "кleshнятый", "заосенять". Такое пристрастие к диалектизмам может диктоваться как происхождением самого Шолохова, так и его желанием полнее погрузит читателя в мир донского казачества.

Следующая особенность стиля "Тихого Дона" – это его высокая метафоричность. Причем метафоры слабо организованны или неотобраны: они не выстраиваются в смысловой ряд, ассоциации носят локальный, дробный характер.

Еще одной особенностью языка "Тихого Дона" является сравнение человека с животными, не только в физическом, но и в духовном плане. Речь идет не просто о прямых сравнениях ("шел Степан под гору, как лошадь, понесшая седока"), но и о детализации описаний, когда у читателя возникает впечатление схожести со зверем, просто от изображения действия: "когда поворачивает Григорий голову, носом втыкаясь Аксиньи в подмышку", "Аксинья, вихляя все своим крупным, полным телом, пошла навстречу". К тому же, имеющиеся в романе сравнения с животными не пусты. Когда написано "так кидает себе волк на хребтину зарезанную овцу", персонажи действительно ведут себя так, двигаясь в соответствии с повадками упомянутых зверей. Такие сравнения показывают иногда исподволь, а иногда и явно близость героев и природы, которая является для Шолохова символом продолжения жизни.

Изучению своеобразия языка Михаила Шолохова в романе "Тихий Дон" можно посвятить не одну книгу. Но даже особенностей, перечисленных выше, достаточно для того, чтобы сделать выводы о чертах, отличающих творчество писателя и возможных причинах их появления. Список использованной литературы содержит перечень работ, к которым приходилось обращаться в процессе написания диссертации.

«Огненные» образы становятся знаком истинности и исключительности чувства Аксиньи, они непременно присутствуют в сценах и авторских описаниях, связанных с Аксиньей и Григорием. И даже в момент признания Григория в нелюбви к жене присутствие Аксиньи обозначено «мерцающей кумачной крапинкой костра» в степи, «крапинкой», из которой вновь разгорается пламя: во время свидания в зимнем лесу *горят* стыдом и радостью

Глава I. Художественная особенность романа «Тихий Дон».

1.1 История творческого пути Михаила Шолохова

Русский писатель Михаил Александрович Шолохов родился на хуторе Кружилин казачьей станицы Вешенская в Ростовской области, на юге России. В своих произведениях писатель увековечил реку Дон и казаков, живших здесь и защищавших интересы царя в дореволюционной России и выступавших против большевиков во время гражданской войны. Его отец, выходец из Рязанской губернии, сеял хлеб на арендованной казачьей земле, был приказчиком, управляющим паровой мельницы, а мать, украинка, вдова донского казака, наделенная от природы живым умом, выучилась грамоте, чтобы переписываться с сыном, когда тот уехал учиться в Воронеж.

Учебу Шолохова прервала революция 1917 г. и гражданская война.

Окончив четыре класса гимназии, он в 1918 г. вступил в Красную Армию - и это несмотря на то, что многие донские казаки присоединились к белой армии, боровшейся против большевиков. Будущий писатель сначала служил в отряде тылового обеспечения, а затем стал пулеметчиком и участвовал в кровопролитных боях на Дону. С первых дней революции Шолохов поддерживал большевиков, выступал за Советскую власть. В 1932 г. он вступил в коммунистическую партию, в 1937 г. был избран в

Верховный Совет СССР, а двумя годами позже - действительным членом Академии наук СССР. В 1956 г. Шолохов выступил на XX съезде КПСС, а в 1959 г. сопровождал советского лидера Н.С. Хрущева в его поездках по Европе и США. В 1961 г. Шолохов стал членом ЦК КПСС. В 1922 г., когда большевики окончательно взяли власть в свои руки, Шолохов приехал в Москву. Здесь он принимал участие в работе литературной группы 'Молодая гвардия', работал грузчиком, разнорабочим, делопроизводителем. В 1923 г. в газете 'Юношеская правда' были напечатаны его первые фельетоны, а в 1924 г., в той же газете, - первый рассказ 'Родинка'. Летом 1924 г. Шолохов вернулся в станицу Вешенская, где и жил, почти безвыездно, всю оставшуюся жизнь. В 1925 г. в Москве вышел сборник фельетонов и рассказов писателя о гражданской войне под заглавием 'Донские рассказы'. В 'Истории советской литературы' критик Вера Александрова пишет, что рассказы этого сборника впечатляют 'сочными описаниями природы, богатыми речевыми характеристиками персонажей, живыми диалогами', отмечая, однако, что 'уже в этих ранних произведениях чувствуется, что 'эпический талант Шолохова' не вмещается в узкие рамки рассказа'.

С 1926 по 1940 г. Шолохов работает над 'Тихим Доном', романом, принесшим писателю мировую известность. 'Тихий Дон' печатался в Советском Союзе частями: первый и второй том вышли в 1928...1929 гг., третий - в 1932...1933 гг., а четвертый - в 1937...1940 гг. На Западе два первых тома появились в 1934 г., а следующие два - в 1940 г.

Главный, наиболее известный роман Шолохова 'Тихий Дон' представляет собой эпическое повествование о первой мировой войне, революции, гражданской войне, об отношении к этим событиям казачества. Один из главных героев романа Григорий Мелехов - вспыльчивый, независимо мыслящий казак, храбро воевавший с немцами на фронтах первой мировой войны, а затем, после свержения самодержавия, оказавшийся перед необходимостью выбора, - сражается сначала на стороне

белых, потом - на стороне красных и, в конце концов, оказывается в отряде 'зеленых'. После нескольких лет войны Григорий, подобно миллионам русских людей, оказался духовно опустошенным. Двойственность Мелехова, его противоречивость, душевные метания делают его одним из самых известных трагических героев советской литературы. Первоначально критика отнеслась к роману довольно сдержанно. Первый том 'Тихого Дона' вызвал нарекания тем, что в нем описывались события дореволюционной жизни с 'чуждых', как тогда выражались, позиций; второй том не устраивал официальных критиков, поскольку отличался, по их мнению, антибольшевистской направленностью.

В 30-е гг. Шолохов прерывает работу над 'Тихим Доном' и пишет роман о сопротивлении русского крестьянства принудительной коллективизации, проводившейся в соответствии с первым пятилетним планом (1928...1933). Озаглавленный 'Поднятая целина', этот роман, как и 'Тихий Дон', начал выходить частями в периодике, когда первый том еще не был закончен. Подобно 'Тихому Дону', 'Поднятая целина' была встречена официальной критикой в штыки.

Во время второй мировой войны Шолохов - военный корреспондент 'Правды', автор статей и репортажей о героизме советского народа; после Сталинградской битвы писатель начинает работу над третьим романом - трилогией 'Они сражались за Родину'. Первые главы романа увидели свет на страницах 'Правды' уже в 1943...1944 гг., а также в 1949 и 1954 гг., однако отдельным изданием первый том трилогии выходит только в 1958 г. Трилогия так и осталась незаконченной - в послевоенные годы писатель значительно перерабатывает 'Тихий Дон', смягчает свой сочный язык, пытается 'обелить' носителей коммунистической идеи.

В 70-е гг. Александр Солженицын, осуждаемый членами партии (в т. ч. и Шолоховы) за критику социалистической системы, обвинил Шолохова в плагиате, в присвоении произведений другого казачьего писателя, Федора Крюкова, умершего в 1920 г. Тем самым Солженицын дал ход обвинениям, имевшим место еще в 20-е гг. и широко распространившимся в 70-е гг. На

сегодняшний день, доказано авторство М. А. Шолохова, доказательством являются найденные рукописи, а также «Словарь языка М. А. Шолохова», вышедший к 100-летию со дня рождения писателя. Произведения Шолохова остаются по-прежнему популярными у читателей. Переработав 'Тихий Дон', он заслужил одобрение советской официальной критики; что же касается западных специалистов, то они считают первоначальную версию романа более удачной. Так, американский критик, выходец из России, Марк Слоним сравнивает 'Тихий Дон' с эпикой Толстого 'Война и мир', признавая, правда, что книга Шолохова 'уступает гениальному творению своего великого предшественника'. 'Шолохов, идя по стопам своего учителя, совмещает биографию с историей, батальные сцены - с бытовыми, движение масс с индивидуальной психологией, - пишет Слоним, - он показывает, как социальные катаклизмы влияют на судьбы людей, как политическая борьба ведет к счастью или краху'.^(44.58) По мнению американского исследователя Эрнеста Симмонса, первоначальный вариант 'Тихого Дона' - это не политический трактат. 'Это роман не о политике, хотя и перенасыщен политикой, - писал Симмонс, - а о любви. 'Тихий Дон' - это великая и вместе с тем трогательная история любви, быть может, единственный настоящий любовный роман в советской литературе'.⁽⁶¹⁾ Отмечая, что герои переработанного варианта романа 'реагируют на события 1917...1922 гг. в духе коммунистов 50-х', Симмонс высказывает мнение, что 'тенденциозность окончательного варианта романа вступает в противоречие с его художественной целостностью'.^(52.)

Слоним утверждал, что 'Поднятая целина', считавшаяся слабее 'Тихого Дона', 'не идеологическое произведение... это живо написанный, традиционный по манере роман, в котором отсутствует элемент назидательности'. Симмонс с этим не соглашается, называя 'Поднятую целину' 'искусной советской пропагандой, тщательно замаскированной в художественном повествовании'. Указывая на роль Ш. как пропагандиста и апологета социализма, американский литературовед Эдвард Браун, как и

другие современные критики, отдает должное незаурядному мастерству Ш. - прозаика, автора 'Тихого Дона' в его первоначальном варианте. В то же время Браун разделяет распространенную точку зрения, в соответствии с которой Ш. 'нельзя отнести к числу крупнейших писателей, поскольку он написал слишком мало и немногое из им написанного достигает высокого уровня'. Первое упоминание о рукописи начальной книги «Тихого Дона» относится к 1927 году, когда Шолохов, приезжая в Москву, читал своим друзьям некоторые главы романа. Первоначальный замысел охватывал только корниловский мятеж и назывался «Донщина». Однако объяснить причины неудачи восстания без предыстории казачества оказалось «не под силу» правдивому летописцу Шолохову. Он делился со своими друзьями замыслом романа, советовался, как справиться с бесчисленными трудностями.

Одним из основных доказательств претензий было убеждение, что 23-летний писатель не мог овладеть самим материалом, положенным в основу событий «Тихого Дона». Первая книга увидела свет в 1927 году благодаря вмешательству редактора журнала Серафимовича. Немного позже, в 1928 году, с рукописью романа познакомилась Евгения Григорьевна Левицкая, и именно ей было суждено стать верным другом и помощником Шолохова на долгие годы. Именно она первой встала на защиту молодого автора сразу после выхода в свет первой книги романа. В 1928 году в журнале «Октябрь» печатается вторая книга «Т. Дона», в которую вошли главы отложенной когда – то «Донщины» Писатель включает в роман многочисленные документы, подробные военные сводки, а наряду с вымышленными персонажами вводит в действие реальные исторические лица. Особенно драматичной оказалась судьба третьей книги. Это видно из хроники её публикации: 1929 год, журнал «Октябрь» №1 – 3; повествование доходит до 12 главы и вдруг обрывается – без всякого объяснения редакции. В 1930 – 31 гг. появляются лишь отдельные отрывки из третьей книги, и только в 1932 году «Октябрь» без всяких объяснений возобновил публикацию романа, подвергнув его

жестокой цензуре (были вырезаны главы, по мнению редакции журнала, крамольные) После угрозы Шолохова забрать роман совсем, некоторые главы были допечатаны, но в каком виде!.. Однако несмотря ни на что работа над книгой продолжалась, Шолохов закончил её в 1930 году, но тут возникла проблема с печатанием. Шолохов обращается за помощью к Сталину, убеждает его, что роман антибелогвардейский, т. к. заканчивается полным разгромом Добровольческой армии. И Сталин дал разрешение на печатание. В 1934 году Шолохов заканчивает 4 книгу, но решает её переписать, однако смог окончательно доделать только в 1938 году, заключительная 8 часть четвёртой книги появляется только в 1940 г. В 1953 году выходит четырёхтомник под редакцией Потапова, внесшего в роман множество исправлений. И только в 1980 году Шолохов увидел не искажённый цензорскими и редакторскими вмешательствами полный текст своего произведения – через 50 лет после его написания и за 4 года до конца жизни. Шолохов погружает читателя в глубины народной жизни, обращает его внимание к истокам, с тем, чтобы понять изменения, происходящие в бытии народа и человека. Классовый конфликт перестаёт быть главным для автора. Не только и не столько борьба белых и красных интересуют его теперь, как было в «Донских рассказах», а судьба традиционного уклада народной жизни на переломе истории.

1.2. Судьба человеческая - судьба народная в романе «Тихий Дон»

Судьба народная в «Тихом Доне» страшна и величественна. Шолохов сумел рассказать о людях с непростыми характерами, тяжелой жизнью так, что мы не просто сопереживаем им, мы верим необходимости нравственных поисков, вместе с героями начинаем понимать всю фальшь готовых ответов на вопрос: в чем правда, в чем смысл человеческого существования. И навсегда в душе остаются образы людей, которые всей жизнью доказали: правда в том, чтобы хранить тепло родного очага, а высшее проявление любви - готовность пожертвовать всем ради того, кого любишь. История нередко идет непрямыми путями, и никто из нас не знает, в какое время ему

предстоит жить. Поэтому роман Шолохова актуален и сейчас, и мы будем искать в нем если не ответы, то поддержку в трудные переломные моменты, когда каждому приходится самому решать, где правда, а где ложь, и выбирать свой путь.

Так складывается особый жанр произведения – жанр эпопеи. Каковы же особенности этого жанра?

1. Произведение показывает жизнь народа в переломный период исторического развития. Подобно древней эпопее, роман Шолохова запечатлел жизнь казачества в ситуации «начала времён», т.е. не просто в сложных исторических испытаниях, но в период начала новой истории, нового устройства мира, нового государства, попыток создания «нового человека». Героические события, представляющие общенациональный интерес, находятся в центре изображения. Автор стремился не только «захватить всё», но и «дойти до корня» в изображении и осмыслении жизни.

2. Отсюда масштабность и глубина изображения жизни, пространственно – временная и социальная многоаспектность (события охватывают более 10 лет, в рассказах об истории героев – ещё более протяжённый период времени). Место действия – Дон, Австрия, Петербург и т.д. – вся Россия, а странствия по ней – это процесс познания родины. Представлены основные слои населения, важнейшие идейные течения, в частности, разные планы решения судьбы Дона. Исторические и семейно – бытовые коллизии (столкновение, борьба действующих сил и лиц, вовлечённых в конфликт между собой).

3. Судьба народа – в центре изображения. Важную роль в этом играют массовые сцены, автор опирается на традиции фольклора, начиная с эпитафий.

4. Писатель показывает, как исторические события разрушают традиционные основы бытия человека на земле, как происходит разлом патриархально – семейной жизни и связей людей по родству, землячеству, совместному труду, которые вытесняются иным типом общности – на классовых, идейных

началах. Герои действуют, не только своими личными убеждениями, но и общей идеей, которая проводит новый водораздел между ними.

5. «Мысль народная» составляет основу авторской позиции. В романе выражено многообразие точек зрения, согласие и несогласие с происходящим, философские раздумья над человеческой судьбой. В задачу автора входит изображение трагического в революции и гражданской войне, противоречий героев и самой жизни.

6. В центре повествования эпический герой – Григорий Мелехов, в индивидуальной судьбе которого автор сумел воссоздать всю гамму противоречий, метаний, конфликтов, пережитых народом.

7. Роману присущи черты различных жанров: исторического романа (точная датировка событий, реальные исторические лица, введение документов), семейно – бытового романа (сцены мирной жизни), черты публицистического романа, психологического, философского; введены элементы трагедии, драмы, лирического начала.

8. Судьба человека «вписана» в историю, в судьбу народа, страны. История касается людей, принадлежащих к разным социальным слоям, и судьба каждого вливается в общую судьбу. Это соотношение передаёт и композиция романа, которая помогает показать взаимосвязь всего и утверждать вечные ценности жизни: дом, семья, сын.

«Тихий Дон» М. Шолохова роман-эпопея, раскрывающая судьбу народа в период Первой мировой и Гражданской войн. Российская действительность предоставила в распоряжение автора такого рода конфликты, которых еще не знало человечество. Старый мир до основания разрушен революцией, ему на смену идет новая социальная система. Все это и обусловило качественно новое решение таких «вечных» вопросов, как человек и история, война и мир, личность и народ. Последняя проблема для данного произведения особенно актуальна.

Шолохов первоначально назвал роман-эпопею «Донщина», однако с расширением замысла изменил и название своей главной книги: «Тихий

Дон”. Так уж сложилось исторически, что казаки всегда были независимыми, свобододолюбивыми воинами, которые селились по окраинам русских земель и, по сути, несли на Руси пограничную службу, а в свободное от военных действий время сеяли хлеб. И Донское казачество не было здесь исключением. Земля на Дону жирная, богатая. Да и нет в ней особого дефицита: бескрайни донские степи. “Степь-матушка, Дон-батюшка” - так называли их казаки, кормильцем величали тихий Дон. И впрямь: оплодотворят щедрые воды Дона степь, и родит она богатый урожай на радость казакам и в прибыль их хозяйствам. Потому и располагаются казачьи хутора по берегам могучей реки: тут тебе и столь необходимая всякому земледельцу вода, и рыба водится в изобилии, да и водный путь гладок да широк. Размеренная жизнь земледельца чем-то напоминает течение реки: течет вода - идет время, немудреные события казачьей жизни сменяют одно другое: пахота, сев, покос, жатва. Но как неизменны речные берега, так неизменна в основе своей и жизнь на лоне природы: за зимой приходит весна, за жатвой - пахота. Природное время циклично, течет по кругу. Однако где бы ни странствовал донской казак, по возвращении первым его встретит Дон-батюшка, по-прежнему полноводный и тихий. Впрочем, циклична и сама жизнь казака-землепашца, чего не скажешь, правда, про казака-воина. Историческое время вламывается в его хутор, срывает его с родных мест и ведет на войну. Не отсидеться казаку на печи, потому что с малых лет приучен он к седлу и шашке. И вот уже мерится жизнь казака не сменой времен года, а учениями да походами, сражениями да подвигами: линейно историческое время, нет в нем повторений, не важно ему, зима ли, весна на дворе. Иным значением теперь наполняется заглавие романа: не река Дон, а земля Донщины, издавна заселенная казаками, имеется в виду, и от веку нет покоя этой земле. Выходит, что “Тихий Дон” - оксюморон? О том, кстати, и старинные казачьи песни сложены, песни, взятые Шолоховым эпиграфом к роману: “Не сохами-то славная земляшка наша распахана... Распахана наша земляшка лошадиными копытами...”.

Не тихий Дон в романе Шолохова: идет братоубийственная война, льется кровь, один за другим гибнут казачьи роды. Как и в старинной песне, бьются казаки за родную землю, щедро поливают ее собственной и чужой кровью, да что на той крови вырастет? Не тем вспахивают казаки степь, не тем ее засевают; страшные урожаи соберут потом матери и вдовы. Не щадит свирепый XX век донских земель: ворвался в каждую станицу, каждый курень, и вот уже, возвращаясь домой, не находят казаки свой дом прежним: семь человек родных недосчитался Григорий к моменту своего последнего возвращения в Татарский, навсегда пресекался род Листницких, дотла сожжены курени и “белого” Коршунова, и “красного” Кошевого. Лишь внешне спокоен “тихий” Дон, никогда не знавший истинного покоя, но в XX век, красный от пролитой крови, соленый от вдовьих и материнских слез, речь возговорит славный тихий Дон: “Уж как-то мне все мутно не быть,/ Распустил я своих ясных соколов,/ Ясных соколов - донских казаков./ Размываются без них мои крутые бережки,/ Высыпаются без них косы желтым песком”. Но как никогда не иссякнуть щедрому потоку Дона, так не пресечься и донскому казачеству: многие сложили в бескрайних придонских степях головы, многие покалечены и телесно, и духовно войной, но не убита в казаках воля к жизни. И вот женится, не дождавшись конца войны, Кошевой: хоть и не самый путевый он из казаков, да жена ему досталась отменная, крепкой мелеховской породы. Вот возвращается ранним мартовским днем домой Григорий, возвращается и понимает, что удержало его на этой земле: “...вот и сбылось то небольшое, о чем бессонными ночами мечтал Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына... Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром”.

Замкнулся великий круг великого романа, возвратился главный герой туда, откуда начал он свой трагический путь, вернулся ранней весной, когда тает первый лед и природа уже готова вновь расцвести, словно бы в первый раз. Носила Григория история по своим полям, ломала судьба, пытаюсь

вырвать с корнями из этой земли, навсегда лишит казака родины, да Мелехов не Митька Коршунов: не сломать его, не оборвать ниточек, связывающих его с Доном, с его бескрайними степями. Возвращаются понемногу с войны сыны великой реки, возвращаются, чтобы жить на этой земле. А там, где лед отошел от берега, видно, как тихий Дон катит свои живые воды в вечность свидетелем или участником описываемых событий, входит в образную систему произведения как ее составная часть, выступает как индивидуальный человеческий характер, как мыслящая личность со своими стремлениями, своим отношением к людям, своей особой судьбой.

Сыновья Пантелея Прокофьевича так же привязаны к родному дому. И тем трагичнее их судьба, заставившая пережить крушение идеала семьи, где все стоят друг за друга. Во времена, когда история перекраивается, «летят головы и миры», по выражению Марины Цветаевой, невозможно строить жизнь по традиции. Приходится искать новые точки опоры, пересматривать взгляды, думать над тем, где же истина. Поиск правды - удел немногих, такие люди не могут плыть по течению. Они должны самостоятельно сделать выбор. Их жизнь тяжелее, а судьба безысходнее, чем у остальных. И это Шолохов показал на примере центрального героя романа - Григория Мелехова. Мелехов - правдоискатель. В начале романа мы видим счастливого, самодостаточного человека, яркого, блестящего представителя настоящего казачества. Григорий Мелехов счастлив, он с упоением отдается любому занятию. Он прирожденный наездник, воин, сельский труженик, рыбак, охотник. Донская жизнь отдает ему лучшее, он идеально вписывается в нее. Война 1914 года поначалу кажется ему только временем высшей реализации, тяга к воинской славе в крови у казачества. Но реальность войны такова, что человек думающий и чувствующий не может смириться с бессмысленной жестокостью, нелепостью, ненужными и страшными человеческими жертвами, насилием. Григорий Мелехов ожесточается. То, что казалось бесспорным, теперь вызывает сомнение: верность «царю и отечеству», воинский долг. В госпитале Мелехов задумывается над будущим.

События 1917 года поначалу дают многим надежду на новую точку отсчета, новую истину. Меняющиеся ценности, политические и нравственные, не дают надежного ориентира. Шолохов показывает, как поначалу Григорий увлекается внешней стороной революции, ее лозунгами. Он идет воевать на стороне красных. Но опять сталкивается с бессмысленной жестокостью и теряет веру. Когда красные приходят на Дон и начинается массовое уничтожение казачества, Григорий Мелехов сражается с ними. Он видит жестокость и белых, и большевиков, он приходит к выводу, что «все они одинаковы! Все они ярмо на шее казачества». Мелехов не принимает исторической правды, потому что людям, с которыми он связан общей судьбой, такая правда несет только смерть. Ни белые офицеры, ни большевики не кажутся ему достойными стоять у власти. Отчаявшись найти правду, Мелехов заглушает душевную боль пьянством, беспорядочными женскими ласками, бессмысленной жестокостью. Но Шолохов не дает нам, читателям, высокомерно осудить героя. Писатель возвращается к мысли, что важнейшее в человеке - его корни. В самое черное время Григорий Мелехов живет любовью к родной земле, к отчому дому, семье, и судьба вознаграждает его. Он получает то единственное, что ему осталось в жизни: возможность постоять на пороге родного дома, подержать на руках сына.

«Тихий Дон» - роман о судьбах народа в переломную эпоху. М. Шолохов правдиво выразил взгляд на революцию не с одной стороны, как это было в большинстве книг того времени, а с обеих: горечь трагедии, мысли и чувства общенародные, общечеловеческие. Драматические судьбы основных действующих лиц, жестокие уроки судьбы Григория Мелехова, главного героя романа, а также Аксиньи, Натальи складываются у М. Шолохова в единство жизненной правды народа на историческом переломе. Действие в романе развивается в двух планах - историческом и бытовом, личном. Но оба эти плана даны в неразрывном единстве. Патриархальная идиллия мелеховской юности разрушается в плане личном - его любовью к Аксинье, в плане социальном - столкновением Григория с жестокими

противоречиями исторической действительности. Органична и развязка романа. В плане личном - это смерть Аксиньи. В плане социально-историческом - это разгром белоказачьего движения и окончательное торжество советской власти на Дону. В центре романа трагедийный характер - Григорий Мелехов. Он олицетворяет трагедию народа: это и трагедия тех, кто не осознал смысла революции и выступил против нее, и тех, кто поддался обману, трагедия многих казаков, втянутых в Вешенское восстание в 1919 году, трагедия защитников революции, гибнущих за народное дело.

Григорий Мелехов - одаренный сын народа. Прежде всего, он честный человек - даже в своих заблуждениях. Он никогда не искал собственную выгоду, не поддавался соблазну наживы и карьеры. Заблуждаясь, Григорий Мелехов немало пролил крови. Вина его несомненна. Он сам осознает ее. Но к Григорию Мелехову нельзя подходить однозначно. Нельзя не заметить, что он впитал в себя целый ряд народных традиций: тут и кодекс воинской чести, и напряженный крестьянский труд, и удалство в народных игрищах и гуляньях, и приобщение к богатому казачьему фольклору. Из поколения в поколение воспитываемые смелость и отвага, благородство и великодушие по отношению к поверженным, презрение к малодушию и трусости определили поведение Григория Мелехова во всех жизненных обстоятельствах.

Михаил Шолохов - легенда мировой литературы. Его творчество вызывал и вызывает большой интерес как исследователей, так и простых читателей. Его имя стоит рядом с такими писателями мировой литературы как Л.Н.Толстой, Достоевский, Фолкнер и другие. Какое бы произведение мы не взяли каждое из них является вехой человеческой жизни. Характер его героев формируется вместе со временем, которое определяет суть человеческого бытия.

Роман-эпопея Михаила Шолохова «Тихий Дон» стал открытием в мировой литературе, а его автор оказался в ряду гениальных художников XX века, чьи книги навсегда встали на «золотой полке» литературы.

Прошлое, настоящее и будущее народа, история и судьба интереснейшей части его — донского казачества — вот тема романа, центр раздумий писателя. На примере одной семьи разворачивается повествование о том, как сплавляется и переплетается жизнь отдельного человека, семьи, хутора с жизнью страны. Волей истории мелеховский хутор оказывается в центре событий, определяющих будущее не только их семьи, но и всей России на много лет вперед. Символично то, что именно через мелеховский хутор проходит линия обороны в Гражданскую войну. Его занимают то красные, то белые, и это сходно с метаниями и поисками одного из героев, Григория Мелехова, который ищет и не может найти правду ни у тех, ни у других.

Настоящие казаки, гордость и сила казачества — таковы Мелеховы. Здоровый, красивый, полный жизни глава семьи Пантелей Прокофьевич — складный старичок, темпераментный, вспыльчивый, горячий, но добрый и отходчивый — не столько умом, сколько душой понимает ценность дома, очага, старого теплого быта.

Сыновья Пантелея Прокофьевича так же привязаны к родному дому. И тем трагичнее их судьба, заставившая пережить крушение идеала семьи, где все стоят друг за друга. Во времена, когда история перекраивается, «летят головы и миры», по выражению Марины Цветаевой, невозможно строить жизнь по традиции. Приходится искать новые точки опоры, пересматривать взгляды, думать над тем, где же истина. Поиск правды — удел немногих, такие люди не могут плыть по течению. Они должны самостоятельно сделать выбор. Их жизнь тяжелее, а судьба безысходнее, чем у остальных. И это Шолохов показал на примере центрального героя романа — Григория Мелехова.

I.3 Григорий Мелехов — правдоискатель.

Мелехов — правдоискатель. В начале романа мы видим счастливого, самодостаточного человека, яркого, блестящего представителя настоящего казачества. Григорий Мелехов счастлив, он с упоением отдается любому

занятию. Он прирожденный наездник, воин, сельский труженик, рыбак, охотник. Донская жизнь отдает ему лучшее, он идеально вписывается в нее. Война 1914 года поначалу кажется ему только временем высшей реализации, тяга к воинской славе в крови у казачества. Но реальность войны такова, что человек думающий и чувствующий не может смириться с бессмысленной жестокостью, нелепостью, ненужными и страшными человеческими жертвами, насилием. Григорий Мелехов ожесточается. То, что казалось бесспорным, теперь вызывает сомнение: верность «царю и отечеству», воинский долг. В госпитале Мелехов задумывается над будущим.

Несмотря на сугубо узкую и конкретную задачу — показать казачество в революции, Шолохов-художник одержал победу над Шолоховым-политиком. То, в чем советские литературоведы видели идейную слабость романа, оказалось его наивысшим достижением. Будучи советским писателем, Шолохов, безусловно, должен был в своем эпическом повествовании показать торжество коммунистической идеологии, ведущей народ в прекрасное завтра при помощи насилия. Но жизнь, отраженная в романе, оказалась гораздо сложнее, запутаннее, противоречивее. Ее палитра отнюдь не ограничивалась двумя цветами — красным и белым. И то, что самый яркий, сильный и привлекательный герой романа — "несознательный" середняк Григорий Мелехов — глубоко чувствует и понимает эту истину, но в сложнейших условиях не может найти выхода из нравственного тупика, делает его трагически сложной личностью. Его образ вошел в историю отечественной литературы как Онегин Пушкина, Печорин Лермонтова, Базаров Тургенева, ибо в нем соединились лучшие типичные качества донского казачества в годы войн и потрясений начала XX века, его судьба отразила трагедию миллионов, захваченных грозной революционной стихией. Подобно Юрию Живаго, сомневающемуся и безвольному герою пастернаковского романа, Григорий Мелехов служит то у красных, то у белых. Так, в конце января 1918 года он в рядах Красной гвардии сражается

против Каледина, а затем полгода воюет против красных в составе Всевеликого войска Донского, подчиняющегося генералу Краснову, а в конце зимы 1920/21 годов уходит в банду Фомина. Почему же Григорий Мелехов не может сделать окончательный выбор, к которому упорно толкают его жизненные обстоятельства? Из-за несознательности? Отсутствия воли? Нет, Григорий — храбрый, отважный воин, человек чести и долга. Он искренен, благороден, великодушен, способен к сильным и глубоким чувствам. Его природная наблюдательность, цепкий крестьянский ум, ясность мысли помогают увидеть то несправедливое, злое, жестокое, чего было в избытке по обе стороны баррикад, и с чем он не мог примириться. Ему отвратительно зверское убийство председателем Донревкома Федором Подтелковым офицеров под Глубокой. Он не находит себе места от гнева и возмущения, когда казаки в армии жестоко унижают женщину. Его гордость оскорбляют презрительные слова белогвардейского полковника Георгидзе о народе как о хаме. С омерзением относится Григорий к грабёжам, к расправам над пленными. Прекрасно понимает он, что лозунги большевиков об уравниловке — это сплошная демагогия, ибо взводный шагает в хромовых сапогах, а "Ванек" в обмоточках. "Комиссара видал, весь в кожу залез, и штаны, и тужурка, а другому и на ботинки кожи не хватает. Да ить это год ихней власти прошел, а укоренятся они — куда равенство денется?" Значит, то, что видит вокруг Григорий Мелехов, не соответствует тем идеалам, за которые стоит воевать до конца, жертвуя всем. Он упорно пытается разобраться в происходящих событиях, понять те силы, которые стали управлять жизнью, не удовлетворяясь чеканными фразами лозунгов. В результате изнурительных метаний между белыми и красными Григорий приходит к выводу, что "неправильный у жизни ход". И белые генералы, видящие смысл своей борьбы в восстановлении монархии, и фанатики-большевики, одержимые идеей установления казарменного коммунизма, для достижения своих целей используют одно и то же средство — насилие, истребление несогласных, не видя никакой возможности для мирного,

бескровного урегулирования всех спорных вопросов. Такая политика рождает новые и новые волны зверств, жестокость, опустошает души людей, отрывая их от всего того, что составляет смысл и ценность бытия. Это прекрасно ощущает Григорий, который вынужден всю жизнь проводить в чужой "далекой стране" ненависти и смерти, с отвращением обнаруживая, что становится убийцей, что весь его талант уходит на мастерство истребления людей. Его властно тянет к себе земля. Мирный труд в поле, на пашне противостоит стихии жестокости, олицетворяя животворное созидательное начало. К чему же приводит автор своего героя после его "хождения по мукам"? Путь Григория Мелехова — это возврат к вечным естественным человеческим ценностям: к радости семьи, к мирному труду, к могучей стихии любви. Только прекрасное, возвышенное чувство к Аксинье уцелело в жизни Григория, осталось его единственным богатством. Но гибель женщины, связанной с ним тончайшими духовными нитями, лишает героя надежд на счастье. Отныне единственным негаснущим огоньком станет для Григория его сын Мишатка, которого он поднимает на руках в финале романа, чтобы затем навсегда проститься с ним. Шолохов поднимает на общечеловеческую высоту страдания яркой, сильной, незаурядной личности, которая в смутное, жестокое время все-таки приходит к самой гуманной жизненной философии, борясь и с несовершенством старого нравственного уклада, и с антигуманными нормами новой жизни. Оказавшись в меньшинстве, как и все свободное, талантливое, совестливое в те годы, Григорий тем не менее всей жизнью своей утверждает доброту, любовь, милосердие, мудрость, свойственные русскому народу. Этот неравный поединок с жестоким веком ведут и другие герои шолоховской эпопеи, борясь за свое счастье, отстаивая человеческое достоинство, восстанавливая душевную свободу и гармонию. Особое место в этом процессе принадлежит лучшим женским образам романа, ибо именно они, не участвуя в острой политической борьбе, все свои богатые внутренние силы отдают задачам не разрушительным, а созидательным. Всякое насилие, разорение старого быта,

замена его новыми отношениями быстро выявляют свою нравственную несостоятельность, которую пытаются прикрыть ложью и обманом. А как обстоит дело с индивидуальными чертами характера Григория? Он горяч, несдержан, реагирует с повышенной страстью. В обстановке, которая сложилась, это приводило к острым конфликтам, тяжелым осложнениям. Возьмем его стычки. Ведь мог же он промолчать, когда придрался луганец, и не ходить в ревком. Вспомним, как поступает Петро. С луганцем он не пререкается ни одним словом, нависла опасность – он сразу в Вешенскую к Яшке Фомину, как никак «окружным ревкомом заворачивает». «Вез и он подарок могущественному теперь сослуживцу: кроме самогона – отрез довоенного шевиота, сапоги и фунт дорогого чая с цветком». Расчувствовался председатель ревкома, заверил: «...Ты не бойся, тебя не тронут».

А Григорий не может так. Он стоит за справедливость, не терпит насилия, добивается ясности. Из Мелеховых он ближе всего к деду Прокофию, который привез из Туретчины жену, перенес насмешки, улюлюканье, но никому не дал ее в обиду. А когда хуторяне пришли убивать «ведьму» Прокофий раскидал шестерых казаков и развалил одного шашкой до пояса. Таковы и индивидуальные черты Григория. Но есть и другое. Слишком горяч, поспешен в решениях. Бурно реагировал он на обиды, не сумел вовремя остановиться, обуздать страсти, обдумать хорошенько, взвесить все обстоятельства. Справедливые судьи не могут не спросить, однако, и с тех, кому не дорога была судьба Григория. И не только его судьба. Предшествовавшая восстанию обстановка должна быть принята ими во внимание с большей серьезностью, чем это делалось.

Озлобленный до предела, Григорий становится вожаком повстанцев, ведет за собой тридцать двух татарцев, а через несколько дней даже три с половиной тысячи сабель. На позиции выходят старики, бабы подростки. Преступление одно страшнее другого совершают казаки и вместе со всеми

Григорий. После гибели Петра еще беспощаднее разгорается в нем ярость. Будет мстить за себя, за отца, брата и метаться, тосковать, истерически рыдать над убитыми матросами: «Кого же рубил!— И впервые в жизни забился в тягчайшем припадке, выкрикивая, выплевывая вместе с пеной закрутившейся на губах:- Братцы, нет мне прощения!.. Зарубите, ради бога... в бога мать... Смерти предайте!..» Он будет жить «с этим неразрешенным, саднящим противоречием, с восставшим чувством неправоты своего дела...» И где-то глубоко внутри осознавать: «А мне думается, что заблудились мы, когда на восстание пошли...». Он самовольно выпустит из белогвардейской тюрьмы заключенных, помчится спасать Котлярова, Штокмана и Кошевого, будет присматриваться к красным — командирам и рядовым. И не раз охватит его палящая ненависть к Фицхалаурову, союзникам, белогвардейцам, мародерам, карьеристам. Осмыслит он и трагизм положения: «Наворошили мы делов... Спутали нас ученые люди... Господа спутали! Стреножили жизнь и нашими руками вершают свои дела». В разгар кровопролитной междоусобицы он пожалуется Наталье: «Вся жизнь похитнулась... Людей убиваешь... Неизвестно для чего всю эту кашу... Неправильный у жизни ход, и, может, и я в этом виноватый... Зараз бы с красными надо замириться и—на кадетов. А как? Кто нас сведет с советской властью? Как нашим обчим обидам счет произвести?.. Война все из меня вычерпала. Я сам себе страшный стал...»

Задолго до поражения он станет уклоняться от боя, возненавидит службу, погоны и даже казачью славу. Потянет его к детям, семье, родным полям, мирной жизни. Вихрь войны занесет Григория в Новороссийск. Тут, надеялся он, конец мукам. Повеселевший и как-то «весь подобранный», он встречает цепи красноармейцев, которые спускались с гор. Вряд ли кто станет оправдывать тяжкие преступления, совершенные Григорием и другими казаками во время восстания, да и нет нужды: он сам не прощает их себе. И потому с такой искренностью Мелехов искупал свою вину перед новой властью. Он громил белых в Крыму, на Украине, в

Польше, мужественно и честно отстаивал родину. Прохор рассказывает Аксинье: «Переменился он, как в Красную Армию заступил, веселый из себя стал... Говорит, буду служить до тех пор, пока прошлые грехи не замолю... Возле одного местечка повел он нас в атаку. На моих глазах четырех ихних уланов срубил... После боя сам Буденный перед строем с ним ручкался, и благодарность эскадрону и ему была».

Сам Григорий вспоминает, с каким «усердием навернул» в бою корниловского полковника: «...ажник сердце взыграло... Они, сволочи, и за человека меня сроду не считали, руку гребовали подавать, да чтобы я им после этого... Под разэтакую мамашу! И говорить-то об этом тошно! да чтоб я ихнюю власть опять устанавливал? Генералов Фицхалауровых приглашал? Я это дело спробовал раз, а потом год икал, хватит, ученый стал, на своем горбу все отпробовал!»

Так вел себя Григорий в то время, когда многие вожаки восстания отсиживались с врангелевцами в Крыму, готовились к новому походу на Дон, иные пробирались к туркам, бродили по Кубани, по степям за Манычем или возвращались в хутора, надеясь «перевоевать». Лучшие воспоминания у Григория и Прохора связаны со службой бой в Первой Конной, когда после сомнений, ошибок, роковых дорог они причалили к берегу. Советское правительство доверяло прозревшим от заблуждений казакам, и доверие оправдывалось. Уже приводились исторические документы. Об этом говорит и сам Шолохов: «Большое количество людей с нехорошим прошлым служили в Красной Армии верой и правдой. Крестьянин-казак, человек практического склада ума, убедился в провале белых, старался замолить свои грехи. И подвиги совершал, кровишки не жалел — ни своей, ни чужой». По мнению И. Лежнева, вполне правомерно, что «выпали из романа» восемь месяцев службы Мелехова в Красной Армии. Они опущены «без сколько-нибудь существенного ущерба в обрисовке фигуры главного героя романа». Но сам Шолохов объясняет все иначе: «Для того, чтобы показать должным

образом Первую Конную, надо было написать еще книгу. Это нарушило бы архитектуру романа».

И пусть не была написана книга о службе Григория в Первой Конной, но нельзя вычеркивать этот период из биографии Мелехова. Что может быть несомненное и честнее искупления своей вины кровью? Правда, потом для Григория многое поломалось. Он «с величайшей душой служил советской власти», а ему не доверяли. «У белых, у командования ихнего я был чужой,- рассказывает Григорий, - на подозрении у них был всегда. Да и как могло быть иначе? Сын хлебороба, безграмотный казак, — какая я им родня? Не верили мне! А потом и у красных так же вышло... В бою с меня глаз не сводили, караулили каждый шаг... Остатнее время я этого недоверия уже терпеть не мог больше. От жару ить и камень лопається». Мелехов вернулся после демобилизации в хутор. Кошевой ему никак не доверяет, «Как волка ни корми, он в лес глядит», - роняет Михаил в ночном разговоре. Формально он вроде бы прав. А по существу? Григорий отталкивает от себя на майдане Крамскова, когда тот, недовольный продрозверсткой, предлагает: «Перевоевать надо! Скажем, как в прошлом годе: долой коммунию, да здравствует советская власть!» Григорий ответил: «Иди домой, пьяная сволочь! Ты сознаешь, что ты говоришь?!» А про себя решает: «Нет, надо уходить поскорее. Добра не будет...» Об опасениях Кошевого думает: «Бойтєся, что восстание буду подымать, а на черта мне это нужно - он и сам дурак, не знает».

Григорий навоевалєся. Все мысли теперь только об одном: пожить возле детей в Аксиньи. Восьмой год не слезал он с коня, и даже сны видел одни и те же: или он убивает, или его убивают. Народ трудился. Началось восстановление разрушенного войной хозяйства. Казаки, рассказывает Прохор, «сенов понавалили скирды, хлеб убрали весь до зерна, ажник хрипят, а пашут и сеют». Хотелось и Григорию заняться мирным трудом. Но он не рассчиталєся за прошлое. И понимает сам: вину до

конца не искупил. Возможную меру наказания обсуждают еще до его возвращения.

Кошевой: «Суд будет. Трибунал». Он полагает, что могут расстрелять.

Дуняшка: «Что же, по-твоему, кто в белых был, так им и сроду не простится это?.. Власть про это ничего не говорит... Он в Красной Армии заслужил себе прощение...». Аксинья: «Брехня! Не будут его судить. Ничего он, твой Михаил не знает, тоже знахарь нашелся». Прохор: «Об старом забывать надо».

В ночном разговоре Кошевой повторяет то же самое: «Раз проштрафился — получай свой паек с довеском». Это, конечно, от излишнего ожесточения.

Сам Мелехов готов принять наказание. Хочет, чтоб зачли службу в Красной Армии и ранения, какие там получил. Просит, по существу, о малом: разберитесь, не поступайте со мной как раньше (два раза ему угрожал расстрел), накажите, но справедливо и дайте возможность искупить вину. Если Дуняшка, Аксинья, Прохор — близкие Григорию люди — естественно смягчают его вину, то Кошевой заостряет. Начать хотя бы с того, что «не был бы ты офицером, никто б тебя не трогал» — речь идет о случае за пьяной вечеринке. Довод, к сожалению, не вызывает возражения и у некоторых критиков, хотя Григорий и красноармейцам, стоявшим на квартире, и Кошевому говорил: офицером стал на фронте, погоны получал за военные отличия. Но тут выходит, что, если человек побывал в белых офицерах, хотя бы даже на фронте, он никак не может рассчитывать на малейшее снисхождение. «Офицерская среда, которая несла тяжелую повинность, - разъяснял М. И. Калинин, - была так же задавлена высшим начальством, как и все солдаты. И если... солдат был задавлен только физически, то офицерство было невероятно задавлено и морально. Офицеру, у которого было хотя немного самолюбия, не было житья в старых царских армиях... Я не сомневаюсь, что красное знамя.., будет твердо держать не только красный офицер, но и те офицеры, которые с каждым днем все больше сливаются с Красной Армией».

И кто, как не Кошевой, должен был знать, что Мелехов не принадлежал к тем белым офицерам, которые, отстаивая свои дворянские привилегии, не на жизнь, а на смерть боролись с Советской властью: « Я вот имею офицерский чин с германской войны. Кровью его заслужил! А как попаду в офицерское общество - так вроде как из хаты на мороз выйду в одних подштанниках. Таким от них холодом на меня попрет, что аж всей спиной его чую! — Григорий бешено сверкнул глазами и незаметно для себя повысил голос...— Почему это так, спрашивается? — сбавив голос, продолжал Григорий.— Да потому! что я для них белая ворона. У них — руки, а у меня от старых музлей — копыто! Они ногами шаркают, а я, как ни повернусь, за все цепляюсь. От них личным мылом и разными бабьими притирками пахнет, а от меня конской мочой и потом. Они все ученые, а я с трудом церковную школу кончил. Я им чужой от головы до пяток». Что же касается самосуда, то такого рода поступки приравнивались в то время к опаснейшим преступлениям против революции, считалось, что от анархии до контрреволюции один шаг. В январе 1918 года матросы из гвардейского экипажа в Петрограде задержали на улице трех офицеров. Один из них оказался действительно подозрительным. Началось самоуправство. Когда было предложено освободить офицеров, не подчинились. Кошевой перекладывает на Мелехова всю ответственность за восстание. И это его несомненная ошибка, потому что он не хочет извлекать уроков из прошлого, очень необходимые для него лично. Кошевой не верит в искренность Мелехова: он, дескать, «ремни бы вырезал», мог перебежать к полякам, он «хуже, опаснее Митьки Коршунова, несправедливо приравнивает его и к Кирюшке Громову.

Ночной разговор закончился угрозой: «Погоню под конвоем». После этого Григорий, «не раздеваясь, лег на кровать». «Не раздеваясь...» И это в родном доме, где прошла его молодость, куда он спешил на побывку, где слышны еще голоса родителей, брата, жены, дочери... Григорий сходил в Чека. Там обошлись вежливо, отпустили, но Кошевой

требует ареста. Завязался новый трагический узел. Все сложилось так же, как и накануне восстания, в хуторе ему говорят: ты — враг, был им и остался, здесь не нужен. Служба в красных — не в зачет. «Там тебе не верили, и тут веры большой давать не будут, так и знай». Мелехов заверяет, что против власти не пойдет, пока она за хрип не возьмет, а если возьмет, то он будет обороняться. Но Кошевой не верит, критики тоже считают, что слова Мелехова самообман, что никакая сила не властна, удержать его от участия в мятежах, что логика поступков, дескать, имеет свою железную последовательность, настоящее стоит на плечах прошлого. Если в прошлом он был повстанцем, то таким и останется. Это всего лишь агонизирует неустойчивая природа мелкого буржуа. Нет ей места в жизни, той природе. Мелехову в данном случае приписывают не меньше как бандитский анархизм. Такой анкетный подход к сложной биографии, на наш взгляд, перестраховка.

И вот — следующий заколдованный круг. Григорию опять грозит расстрел. И когда Дуняшка предупреждает, он бежит, поступает так, как говорил: «За восстание голову подкладывать... не буду... дуже густо будет». Он снова скитается по хуторам, как перед мятежом. Беглеца случайно задерживают на дороге, приводят под конвоем в банду. Надо ли было ему бежать? Б. Дайреджиев предполагает: «Очень может быть, что политбюро и освободило бы Григория и дало бы нагоняй Кошевому за усердие не по разуму, ибо увеличивать количество врагов в такой момент было не в наших интересах, а Григорий мог еще пригодиться». А может, прав Фомин, когда говорит: «Не прихоронись ты тогда — навели бы тебе решку. Лежал бы ты теперь в вешенских бурунах, и ноготки обопрели бы». Выходит, что есть правота в словах Григория: «У меня выбор, как в сказке про богатырей: налево поедешь коня потеряешь, направо поедешь — убитым быть... И так — три дороги, и ни одной нету путевой... Деваться некуда, потому и выбрал... Вступаю в твою банду», — говорит он Фомину. И попадает в новое страшное логово. Чего же добился Кошевой? Дал толчок

«главному действующему лицу для перехода в новое состояние», замечает И. Лежнев. Ускорил развязку, внес ясность в положение дел, отмечает О. Салтаева, ибо она убеждена, что «Мелехов по логике борьбы должен был неизбежно очутиться в стане, враждебном революции».

Но ведь могло быть и другое доверие, понимание, сочувствие, учет сложности времени. Иван Алексеевич Котляров, вероятно, так бы и поступил спас человека. А помочь ему надо было не только потому, что это не Листницкий или Коршунов, а просто заблудившийся казак. Кроме всего прочего, казаки любят его, и перетянуть Григория на свою сторону — значит воздействовать на других. У нас нет ни малейшего намерения взять под сомнение честность, прямоту, достоинства преданного и волевого коммуниста Кошевого, вышедшего из низов, на себе испытывшего бесправие и произвол, косность и жестокость. Страшной смертью от рук палача погибла его мать, да и сам он во время гражданской войны на Дону побывал в суровых переделках. Жизнь учила его суровости и бдительности. Но нелегко руководить в сложной обстановке. У него появился избыток прямолинейности там, где требуется более гибкий подход. Вряд ли обдуманно поступает он, когда расстреливает выжившего из ума столетнего деда Гришаку, путанные проповеди которого никто серьез не принимал, или сжигает дома богатых хуторян. Для борьбы с контрреволюцией партия находила другие средства, а не такие: «Я вам, голуби, покажу, что такое советская власть!» Все это—особенно в тех условиях — не объединяло, а разъединяло коммунистов с народом.

Да, конечно, говорят критики, Кошевой вроде бы и жесток. Но он же «сын своего времени, он действует сообразно тому, что требуют от него местные условия, и в силу тех представлений о жизни, которыми он обладает, того уровня политического и нравственного развития, которого достиг. Кошевой не крупный и дальновидный политик, а рядовой практик, один из многочисленной армии сельских коммунистов, он руководствуется классовым инстинктом и ожесточен борьбой... Он такой, какой есть, и в тех

условиях, какие сложились на Дону, не может поступить иначе, чем поступает. Такова правда истории, логика характера, и благие пожелания тут ни чего не изменят».

Но разве художественная достоверность и логика образа Кошевого вызывают сомнения? Речь идет о том, как представала перед хуторянами в некоторые моменты новая еще не окрепшая власть. И важен тут не казак Кошевой, а представитель власти в Татарском, руководитель, поступки которого соответственно направлялись и корректировались из Вешенской. Ссылаясь на обстановку, В. Озеров меньше всего учитывает такую ее особенность, когда даже Штокман вынужден подчиняться распоряжениям потерявших голову «деятелей, в том числе повелениям «всемогущего» Фомина. Эта вот обстановка не могла не отразиться на Кошевом. В романе очень ясно показано, какая тенденция в руководстве поощрялась, поддерживалась, кому-то нравилась, побеждала в конкретной ситуации. А В. Озеров взялся подравнивать под Кошевого — имея в виду его жестокость — армию сельских коммунистов тех лет, дальновидность, дескать, свойство только крупных политиков. Кстати, все те, кого обвиняли В. Трифонов и другие, ходили в «дальновидных». Деление на рядовых и нерядовых в этом случае мало что объяснит. Подводчик, рассказавший Штокману и Кошевому, как и почему сложилась исключительная обстановка, тоже не проходил особых студий. Но чутье подсказало ему, что так и что не так. Котляров, хоть и рядовой практик, обладал дальновидностью. Критики, которые оправдывают Кошевого во всем, исходят из того, что, мол, время не располагало к гуманизму, думается, что весь этот «историзм» далеко не точен. Люди героической революционной эпохи мыслили широкими категориями — о народах, классах, государствах. Но они не забывали и отдел отдельного человека, заботились о нем, «нельзя на людей жалеть ни одеяло, ни ласку» (В. Маяковский). Лучшие деятели тех лет крепили связь с массами, защищая человека труда, одергивали всех, кто был груб, нетактичен, рубил с плеча.

Некоторые ссылаются на опасную обстановку, которая определила поведение Кошевого: кое-где начались волнения, мол, из-за продрозверстки, а в хуторе до этого уже побывал бандит Громов, мог появиться и Митька Коршунов. Это, конечно, так. Но, видимо, каждый должен отвечать за свое. А иначе получится, что все эти люди па одно лицо, тогда как их надо было рассматривать в отдельности. На это и обращает внимание Шолохов. Ведь даже находясь в банде Фомина, Григорий сумел сохранить многое от прежнего Мелехова.

Живы еще в Григории ощущения прекрасного, движения любящей и чувствующей души. Он воспринимает «аромат доцветающих фиалок, неясный и грустный, как воспоминание о чем-то дорогом и давно минувшем... У него словно бы обострилось зрение и слух, и все, что ранее проходило незамеченным, после пережитого волнения привлекало его внимание. С равным интересом следил он сейчас и за гудящим косым полетом ястреба-перепелятника, преследовавшего какую-то крохотную птичку, и за медлительным ходом черного жука, с трудом преодолевавшего расстояние между его, Григория, раздвинутыми локтями, и за легким покачиванием багряно-черного тюльпана чуть колеблемого ветром, блистающего яркой девичьей красотой. Тюльпан рос совсем близко, на краю обвалившейся сурчины. Стоило только протянуть руку, чтобы сорвать его, но Григорий лежал, не шевелясь с молчаливым восхищением любуясь цветком и тугими листьями стебля, ревниво сохранявшими в складках радужные капли утренней росы. А потом переводил взгляд и долго бездумно следил за орлом, парившим над небосклоном, над мертвым городищем брошенных сурчин...».

Но все-таки в банде Мелехов участвовал. Как это объяснить?

Шолохов исследует две стороны народного сознания, которые проявились в годы революции: прозрение, стремление к миру, борьбе с интервентами и контрреволюцией; с другой стороны — тяжкие заблуждения, когда люди вставали на ложный путь, поднимали оружие на братьев, объятые

страстью мщения. Многие действовали вслепую, стихийно. И писатель этого не оправдывает. Кстати, и сами участники мятежей часто раскаивались в содеянном. Особенно мрачно оно выглядит на фоне того движения к новому, которое происходило в жизни и требовало от людей труда взаимного понимания, сближения, содружества. Возникавшие трудности Советская власть устраняла мирными средствами, а не теми, к каким прибегали казаки, надеясь на оружие. Шолохов сочувствует народу, если он действительно справедливо требует что-то изменить, устранить как неверное, мешающее движению вперед, но он не оправдывает безрассудство, слепое поведение той части народа, которая поддерживала контрреволюцию в разные годы. В «Тихом Доне» масса действует иногда по инерции, легко поддается обману, не предвидит трагических последствий. После случая в Сетракове сотник, приехавший в хутор Татарский, говорит: «Ведь не позволим же мы, чтобы мужики обещивали наших жен и сестер, чтобы глумились они над нашей православной верой, надругивались над святыми храмами, грабили наше имущество и достояние,... не так ли, господа старики?» Сотник все подает в самом обобщенном виде. Фактов как следует, казаки не знают, но тем не менее: «Майдан крякнул от дружного Верна-А-А!.. Старики разошлись вовсю, с диковинной быстротой был тут же избран атаманом Мирон Григорьевич Коршунов». Записываются в добровольцы с шутками и смехом, будто развлекаются, не отдавая отчета в том, чем все это может обернуться. Даже Христоня просит: «Намулой, стал быть, меня. Только наперед говорю, что драться не буду... Поглядеть хочу».

Казаки-повстанцы рвут мосты, устраивают крушения, когда с Украины идут эшелоны отступавших красногвардейцев. Подтелков с отрядом пробирается к Краснокутскому юрту, их спрашивают, правда ли, что они «режут вчистую всех». В слободах верят, что подтелковцы грабят курени и церкви, уничтожают казачество. Верят атаманам, кулакам. В постановление выборных от хуторов подтелковцы именуются как «грабители и обманщики

трудового народа». И от имени «трудового народа» выносят им приговор и исполняют его... Правда, ужас казни, и совесть гонят людей прочь от такого страшного зрелища. Но мрачное пятно накладывает этот случай на тех участников, которые поддались обману. И многие из трудового народа в таких изуверствах были не безучастны. Шолохов показывает, как озверевший Алешка Шамиль добивал пленных красноармейцев «Он ставил их лицом к плетню, рубил по очереди... — Из трех шестерых сделал,— хвастался Алешка, мигая глазом, дергая щекой». Жестокость становилась нормой.

Григорий распорядился стащить крючьями и баграми в общую яму сто сорок семь красноармейцев, порубленных в бою. Так мстил он за Петра. Вспомним иступленность, психоз хуторян, когда вели пленных коммунистов. «Старики, бабы, подростки били, плевали в опухшие, залитые кровью и темнеющие кровоподтеками лица бросали камни и комки сохлой земли, засыпали заплывшие от побоев глаза пылью и золой. Особенно свирепствовали бабы, изощряясь в самых жесточайших пытках. Двадцать пять обреченных шли сквозь строй». Правда, были, и сочувствующие. Спешил на помощь Григорий. Но не нашлось силы, которая бы прекратила позорные судилища, заставила задуматься...

Все, что показано в романе,— это не вымысел. В архиве хранятся документы о расправе над коммунистами после измены сердобского полка и предательства Вороновского. «Прогоняя по хуторам и станицам, производили над несчастными дикую расправу, избивали, кто, чем попало, из 15 человек осталось в живых только пять, а остальные бесчеловечно были замучены и забиты...»

Кудинов понимает, что республику из десяти станиц организовать невозможно, что надо идти с повинной к Краснову: заблудились, мол, бросив фронт... Пришлось против души и совести примириться с теми, кого трудовой казак не терпел кадетами, атаманами, генералами, распоряжающимися на родной земле иностранцами. Казакам не нравилось, что

их называют пособниками Деникина. Но это стало фактом. Повстанческие части были расформированы, подчинены белым офицерам. Григорию вместо дивизии дали сотню. Не хотели казаки выходить за пределы Донской области, а деникинцы их заставили. Так и оказались между двух огней.

Взять Москву и одолеть мужиков – этим белогвардейская пропаганда кружила головы казакам, особенно старикам, — не удалось, высвободиться из-под гнета деникинцев — тоже. Все больше, по мере неудач, казаки осознают преступность своего мятежа. Катятся к Черному морю. Дороги забиты повозками, пешими, конницей. Затянули старую казачью песню. Как справедливый и тяжкий укор вольным сынам Дона ставшим на пути народной революции, бегущим неизвестно куда, зазвучала она. Слушая песню,

Григорий

рыдает...

«Над Черной степью жила и властвовала одна старая, пережившая век песня. Она бесхитростными простыми словами рассказывала о вольных казачьих предках, не когда бесстрашно громивших царские рати; ходивших по Дону и Волге на легких воровских стругах; грабивших орленые царские корабли; «щупавших» купцов бояр и воевод; покорявших далекую Сибирь... И в угрюмом молчании слушали могучую песню потомки вольных казаков, позорно отступавшие, разбитые в бесславной не против русского народа...»

Не один Григорий почувствовал угрызение совести. Присмирел весь скорбный

обоз...

...Столпотворение около пароходов в Новороссийске. Казак, увидев, как белогвардейские офицеры гонят его от трапа, говорит; «Когда воевали — нужны были, а за раз мы им ни к чему...». Этот путь трагических заблуждений казаков поучителен. Он подтверждал, что только союз с рабочим классом может вывести их на путь истинный. Мелехов участвует в банде после того, как достаточно хлебнул горьких мук, получил огневое крещение.

Как он попал туда — понятно: его привели под конвоем, а остается там потому, что считает: некуда податься... Можно также и предположить, что

вряд ли его отпустили бы с миром. С самого начала он не верит в реальность планов Фомина, смотрит на банду как на временное убежище. Но в то же время он участвует в стычках, рубит милиционеров. Пытается навести порядок, дисциплину в отряде, обдумывает военные тактические приемы. Для чего все это делается? Не думает ли он «Перевоевать», против чего был настроен самым решительным образом?

В ходе революции возникло противоречие, которое требовалось, во что бы то настало устранить. И оно было устранено. Поэтому трудовым крестьянам, казакам, попавшим в антисоветские банды, была объявлена в 20-х годах амнистия. Григорий же возвращается домой до амнистии. Раскрывается и другая сторона в эпизодах с бандой поведение казаков, их отношение к Фомину. Продразверсткой они недовольны, по и в «заступнике» больше не нуждаются. Многому научил 1919 год. И как бы ни настраивал их Фомин и ни угрожал им, поддерживать его не думают, в авантюру больше не верят. Коротким гостем оказался в банде и Мелехов. Он все больше убеждался, что Фомин — пьяница, бездарен как военный, в отряд приходит самое мрачное пополнение—анархисты, уголовники разный сброд. «Идейные борцы» превращались в «разбойников». Но Мелехов всегда носил в себе иллюзии борца за общие интересы. Его участие в банде еще полнее раскрывает сложность времени, противоречия развития, амплитуду колебания крестьянства. Многое, как и прежде, если еще не в большей мере, объясняется душевным состоянием и индивидуальными чертами характера Григория. Его повышенная реакция на обиды. Горячность, доходившая до белого каления,— все, что было в нем с юности, еще больше усилилось. Старик Чумаков советует Григорию замирился с властью. «Хороший казак! Всем взял, и ухваткой и всем, а вот непутевый...— размышляет он.— Сбился со своего шляху!.. С Гришки — то спрашивать нечего, у них вся порода такая непутевая... И покойник Пантелей такой же крученный был, и Прокофия деда помню... Тоже ягодка- кислица был, а не человек... А вот что другие казаки думают, побей бог, не пойму!» ,«Непутевый» — это значит неистовый,

бурный характер. Он возвышал Григория, когда тот попадал в общую струю народного движения. И снижал, когда он с тем же упорством отстаивал заблуждение...

Григорий возвратился домой. «Что ж, вот и сбылось то небольшое, о чем бессонными нонами мечтал Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына... Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром».

Все творчество Шолохова доказывает, что гуманизм остается фразой, если художник уйдет от правды, сложных и многообразных проявлений жизни, если познание особенного, индивидуального будет сводиться к упрощенным схемам, если художественное воспроизведение жизни будет выглядеть серо и бледно и не даст представления о реальности, богатой содержанием, формами, красками, тонами, звуками. Он сказал в Стокгольме: «Я хотел бы, чтобы мои книги помогли людям стать лучше, стать чище, душой, пробуждали любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества. Если мне это удалось в какой-то мере, я счастлив».

Это ему удалось. И в том его подвиг думается, что именно это не всегда воспринимается в полной мере критиками. Все признают, что, несмотря на трагическое содержание, «Тихий Дон» — одна из жизнеутверждающих произведений. Но применительно к образу Мелехова это истолковывается часто так: «закономерно погибает запутавшийся человек с его «поганой песней», «несчастный» отец, а его сына, которому принадлежит будущее, уже в духе новой морали воспитывает Кошевой». Удивительно, с каким легким сердцем вычеркивается Григорий из жизни как нечто обременительное и опасное. Забывают при этом, что героем повествования у Шолохова избран Григорий, а не Мишатка.

Невозможно принять и слишком «бодрую» трактовку трагедии в таком духе: Мелехов разоружился, вернулся домой, держит на руках сына. Он

входит в будущее. Недоразумение рассеялось. Чаще всего сталкиваемся с теорией предопределенности, по существу фаталистической. Смысл ее сводится к тому, что в эпосе Шолохова человек, дескать, свободен в своем выборе, но сам выбор соотнесен с тем, что является исторической необходимостью. Мелехов свободен был в выборе. И его вина, что он сделал не тот выбор. Но над свободой нависает необходимость. И снова вина Мелехова в том, что он, как собственник, подчинен закону необходимости. В романе, дескать, вершится суд над отщепенцем, он наказан — поломана его судьба: он потерял родных, стал одиноким и отчужденным от мира.

Вспомним, что было с ним после смерти Аксиньи: «Как выжженная палами степь, черна, стала жизнь Григория. Он лишился всего, что было дорого его сердцу. Все отняла у него, все порушила безжалостная смерть. Остались только дети. Но сам он все еще судорожно цеплялся за землю, как будто и на самом деле изломанная жизнь его представляла какую-то ценность для него и для других...». И после этого: «Днем никто из жильцов землянки не слышал от него ни слова жалобы, но по ночам он часто просыпался, вздрагивал, проводил рукою по лицу — щеки его отросшая за полгода густая борода были мокры от слез.

Ему часто снились дети, Аксинья, мать и все остальные близкие, кого уже не было в живых. Вся жизнь Григория была в прошлом, а прошлое казалось недолгим и тяжким сном». Таков жизненный путь Григория Мелехов. Таков был путь всего Донского казачества.

В результате изнурительных метаний между белыми и красными Григорий приходит к выводу, что "неправильный у жизни ход". И белые генералы, видящие смысл своей борьбы в восстановлении монархии, и фанатики-большевики, одержимые идеей установления казарменного коммунизма, для достижения своих целей используют одно и то же средство — насилие, истребление несогласных, не видя никакой возможности для мирного, бескровного урегулирования всех спорных вопросов. Такая

политика рождает новые и новые волны зверств, жестокость, опустошает души людей, отрывая их от всего того, что составляет смысл и ценность бытия. Это прекрасно ощущает Григорий, который вынужден всю жизнь проводить в чужой "далекой стране" ненависти и смерти, с отвращением обнаруживая, что становится убийцей, что весь его талант уходит на мастерство истребления людей. Его властно тянет к себе земля. Мирный труд в поле, на пашне противостоит стихии жестокости, олицетворяя животворное созидательное начало. Образ Григория Мелехова знаменует собой напряженный поиск той основы жизни, в которой соединятся и социальная справедливость, и личное счастье, он несет в себе глубину величайших прозрений, предугадывая грядущий крах экстремистских идей и торжество общечеловеческих гуманистических ценностей. Во всех поступках этого героя проявляется здоровое нравственное начало, которое не позволяет ему впадать в крайности. Оно не дает Григорию бросить крепкое и налаженное хозяйство и семью, чтобы уехать с Аксиньей в город, где человеку, выросшему среди привольных степей, нечем дышать. Но этим же чувством диктуется поступок Григория, прогнавшего с фронта собственного отца, приехавшего разжиться военными трофеями.

Если Пантелей Прокофьевич озабочен только благосостоянием своей семьи, пытаясь отчаянно бороться за сохранность дома во время всеобщей разрухи, то Григорий хочет, чтобы лад был во всем казачьем мире. Может быть, поэтому призывы большевиков о равенстве и справедливости сначала находят отклик в его душе. Но он довольно быстро разглядел узость и бесосновательность коммунистических лозунгов, которые к тому же сопровождались жестоким истреблением инакомыслящих, подавлением свободной, смелой творческой мысли. К чему же приводит автор своего героя после его "хождения по мукам"? Путь Григория Мелехова — это возврат к вечным естественным человеческим ценностям: к радости семьи, к мирному труду, к могучей стихии любви. Только прекрасное, возвышенное

чувство к Аксинье уцелело в жизни Григория, осталось его единственным богатством. Но гибель женщины, связанной с ним тончайшими духовными нитями, лишает героя надежд на счастье. Отныне единственным негаснущим огоньком станет для Григория его сын Мишатка, которого он поднимает на руках в финале романа, чтобы затем навсегда проститься с ним.

Шолохов поднимает на общечеловеческую высоту страдания яркой, сильной, незаурядной личности, которая в смутное, жестокое время все-таки приходит к самой гуманной жизненной философии, борясь и с несовершенством старого нравственного уклада, и с антигуманными нормами новой жизни. Оказавшись в меньшинстве, как и все свободное, талантливое, совестливое в те годы, Григорий тем не менее всей жизнью своей утверждает доброту, любовь, милосердие, мудрость, свойственные русскому народу. Этот неравный поединок с жестоким веком ведут и другие герои шолоховской эпопеи, борясь за свое счастье, отстаивая человеческое достоинство, восстанавливая душевную свободу и гармонию. Особое место в этом процессе принадлежит лучшим женским образам романа, ибо именно они, не участвуя в острой политической борьбе, все свои богатые внутренние силы отдают задачам не разрушительным, а созидательным. Всякое насилие, разорение старого быта, замена его новыми отношениями быстро выявляют свою нравственную несостоятельность, которую пытаются прикрыть ложью и обманом.

Глава II. Женские образы в романе и их роль в композиционной структуре

2.1. Женщина- воплощение народной нравственности и нерушимых жизненных устоев

Тема шолоховского романа – семья, простой человек в водовороте исторических событий. Впервые в русской литературе в «большом жанре» – романе – люди из народа оказались не среди второстепенных персонажей, а в

самом центре. Каждый из характеров, изображенных М. Шолоховым, несет в себе ту неповторимость, которая составляет разнообразие и богатство человеческого мира.

Женские образы романа – это воплощение единства народной жизни, отражение философского осмысления гармонии мира и человека. По мнению исследователей (например, Муравьевой Н.М., Сатаровой Л.), в романе «Тихий Дон» слились воедино многочисленные реки и ручейки русского национального мироощущения, которое зародилось в древности, расцвело в классический период отечественной культуры и во многом исчерпало себя в XX веке. И изображение казачьих семей в романе позволяет автору отразить процесс разрушения гармонии целостного казачьего мира, существовавшей на протяжении веков, а семейная драма Мелиховых (как и Астаховых, и Кошевых) становится микромоделью трагедии, произошедшей с казачеством после революции и гражданской войны. Семья Мелеховых открывает эпопею и заканчивает ее. Это типичная семья казаков-тружеников. Самостоятельность, смелость, решительность, безграничное трудолюбие и практичность, глубину и нежность большого чувства, даже пренебрежение традициями, переполнявшими жизнь, раскрывает Шолохов в истории рода Мелеховых.

Важнейшим показателем качества духовной культуры (не только сообщества в целом, но и отдельного человека) является, по общему признанию, эмоционально-чувственная сторона отношений между мужчиной и женщиной. Причём «напряжённая диалектическая взаимосвязь» чувственного и духовного в культуре наилучшим образом выражается через женские характеры, их любовные переживания и поступки, что часто используется авторами художественных творений для развязки или обострения различных коллизий в межчеловеческих отношениях. Поэтому особое место занимает в романе его любовная линия.

Одной из сюжетобразующих линий (если не главной) является развитие взаимоотношений Григория Мелихова с двумя женщинами –

Аксиньей и Натальей. Любовная линия романа определяет не только сюжет, но и направление развития характеров героев, их внутреннюю жизнь. Особым обаянием наделил автор романа Аксинью.

Ей присущи и внешняя, и внутренняя красота. Она упорно борется за свое счастье, рано испытав всю горечь женской доли, смело и открыто восстает против рабского, приниженного положения женщины, против патриархальной морали. В страстной любви Аксиньи к Григорию выражен решительный протест против загубленной молодости, против истязаний и деспотизма отца и нелюбимого мужа. Борьба ее за Григория, за счастье с ним – это борьба за утверждение своих человеческих прав. Мятежная и непокорная, с гордо поднятой головой, шла она против предрассудков, лицемерия и фальши, отвоевывая свое счастье с любимым человеком, вызывая злые толки и пересуды.

Аксинья необыкновенно красива. Вот как описывает ее Шолохов: «...Ветер трепал на Аксинье юбку, перебирал на смуглой шее мелкие пушистые завитки. На тяжелом узле волос пламенела расшитая цветным шелком шлычка, розовая рубаха, заправленная в юбку, не морщинась, охватывала круглую спину и налитые плечи...» У героини красивая и гордая походка: даже ведра с водой она носит по-особому – очень величаво и грациозно.

Автор ничего не утаивает из жизни Аксиньи: ни то, что ее, шестнадцатилетнюю, изнасиловал пьяный отец, ни того, что потом бил муж. Молодость ее была поругана надругательством отца и истязаниями мужа. Любовь для героини – это своеобразный выход из беспросветного прошлого, вот почему она вся отдается своему чувству: «С лугового покоса переродилась Аксинья. Будто кто отметину сделал на ее лице, тавро выжег. Бабы при встрече с ней ехидно ощерялись, качали головами вслед, девки завидовали, а она гордо высоко несла свою счастливую, но срамную голову».

Аксинья чувственно и страстно любит Григория. Отношения между ними

описываются очень сурово: «Он упорно, бугайной настойчивостью ее обхаживал. И это-то упорство и было страшно Аксинье». Она своенравна и безоглядна в своей страсти и так любит Григория, что готова на все, даже на убийство мужа. Григорий начинает: «Надумал я, давай с тобой прикончим...» Аксинья додумывает про себя страшные слова: «...прикончим Степана, – но «он досадливо облизнул губы...» – и добавляет «прикончим эту историю. А?»»

И Григорий любит Аксинью. «На губах Григория остается волнующий запах ее губ, пахнувших то ли зимним ветром, то ли далеким, неуловимым запахом степного, вспрыснутого майским дождем сена...». Это описание передает свежесть, здоровье, чистоту героини. Но писатель также подчеркивает ее «порочную и манящую красоту», ее губы «бесстыдно жадные, пухловатые», глаза вспыхивающие «балованным отчаянным огоньком» и улыбку. Когда Аксинья узнает о решении Мелехова уйти из хутора и жить вместе с ней, «на губах ее, скрытая от глаз Григория, дрожала радостная, налитая сбывшимся счастьем улыбка». Она была безумно счастлива. В ее улыбке отражаются самые противоречивые чувства. Так, например, давняя боль и тоска, удивление и нежность отразились в улыбке Аксиньи, когда она после долгой разлуки встретила Григория на берегу Дона, у пристани: «Она улыбнулась такой жалкой, растерянной улыбкой, так не приставшей ее гордому лицу, что у Григория жалостью и любовью дрогнуло сердце...» Одним из постоянных определений человеческой сущности Аксиньи, ее борьбы за счастье становится в романе эпитет «гордая». У Аксиньи «гордое» лицо, презирая хуторские сплетни, она «гордо и высоко несла свою счастливую, но срамную голову». После ссоры с Мелеховыми она не здоровается с ними, «с сатанинской гордостью, раздувая ноздри, проходила мимо». Неоднократно повторенное определение «гордая» служит для выделения одной из самых существенных черт характера Аксиньи. Аксинья гордится не только своей яркой, волнующей красотой. Гордость ее выражает постоянную готовность отстаивать свое человеческое достоинство,

показывает жизненную стойкость, силу и благородство характера. Тяжкие жизненные испытания не сломали Аксинью, а наоборот, раскрыли в ней все самое лучшее. Если в начале романа она могла под влиянием минутного настроения изменить Григорию с Листницким, оскорбить Наталью, накричать на Пантелея Прокофьевича, то в последнем томе она изменяется, проявляет любовь и понимание по отношению к другим людям. Новое чувство возникает у Аксиньи по отношению к нелюбимому мужу Степану – она начинает понимать его и жалеть по-своему. Меняется и отношение к Наталье: в последнем разговоре, когда Наталья приходит узнать, действительно ли Аксинья снова «завладала» Григорием, Аксинья уже не глумится над Натальей, как раньше, а здраво, почти как Ильинична, рассуждает: «Знаешь что? Давай об нем больше не гутарить. Жив будет... вернется – сам выберет». Аксинья любит детей Григория со всей полнотой материнских чувств («Они сами, Гриша, стали звать меня матерью, не подумай, что я их учила»). Не случайно Ильинична, так непримиримо раньше относившаяся к отношениям Григория с Аксиньей, как говорит Дуняшка, «прилюбила Аксинью в последнее время». Как только в Аксинье пробуждаются материнские чувства, все порочное и вызывающее в ней исчезает, и это сказывается на отношении ее к миру и другим людям. Так, Аксинья заботится о деде Сашке так же трогательно, как в свое время это делала Наталья по отношению к деду Гришаке. Однако Аксинье придется еще долго изживать своеволие, пока она, наконец, не откажется от желания завладеть Григорием любой ценой и не искупит, хотя бы частично, свой грех перед Натальей, заменив мать детям Григория. Аксинья не может солгать, извернуться, обмануть. Лицемерие ей противно. Когда Наталья пришла к ней поговорить о Григории, который по слухам встречался с соседкой, Аксинья пытается отклониться от ответа. Но достаточно было Наталье упрекнуть ее, как Астахова, вспыхнув, гордо и резко подтверждает предположения обманутой жены. Правдивость и прямота – в ее характере. Вот, например, сидят за одним

столом Григорий и Степан. Когда Акси́нья увидела их вместе, в глазах ее «плеснулся ужас». Муж с ненавистью и тоской предлагает ей выпить за долгую разлуку. Он хорошо знал, ради кого пришел к ним этот человек.

Акси́нья отказывается:

«— Ты же знаешь... — Я зараз все знаю... Ну, не за разлуку! За здоровье дорого гостя, Григория Пантелеевича. — За его здоровье выпью! — звонко сказал Акси́нья и выпила стакан залпом».

И в этом порыве вся главная героиня, свободно и бесстрашно выражающая свои чувства. Если Наталья опускала голову под ударом судьбы, укоряла себя за то, что не могла изменить ход событий, то Акси́нья встречала опасность с высоко поднятой головой, вступала в борьбу за счастье.

Акси́нья доказала всей своей жизнью любовь и верность Григорию: «И о чем бы ни думала, что бы ни делала, всегда неизменно, неотрывно в думках своих была около Григория. Так ходит по кругу в Чигире слепая лошадь, вращая вокруг оси поливальное колесо...». Ничего в мире не хотела видеть Акси́нья кроме своего любимого, из-за него жила всегда в страшном напряжении и волнении, никогда не задумываясь над тем, на чьей стороне он воевал. По-первому его зову могла расстаться с чем и кем угодно, лишь бы быть рядом с ним. И в последний раз, когда он ночью пришел за ней, она без колебаний и даже с радостью собралась и пошла, сама не зная куда. На вопрос Григория: «Ну? Едешь? — она отвечает: «А как бы ты думал?... Сладко мне одной? Поеду, Гришенька, родненький мой! Пеши пойду, поползу следом за тобой, а одна больше не останусь! Нет мне без тебя жизни... Лучше убей, но не бросай опять!» Видя ее опухшие от слез, но сияющие счастьем глаза, Григорий, усмехаясь, подумал: «Собралась и пошла, как-будто в гости... Ничего ее не страшит, вот молодец баба...» Но и эта, последняя, попытка Акси́ньи наконец-то обрести счастье обернулась для нее гибелью. Вдали от хутора нашла она свое пристанище.

Аксинья естественна, не зажата и моментами даже бесстыдна в своих желаниях, в проявлениях своей чувственной природности – это неотразимо и зажигает мужчин. Казалось бы, в определенной женской типологии Аксинья походит на Дарью: сильной чувственностью, некоторой причастностью к эротическим безднам, даже конкретными чертами облика, подчеркиваемыми Шолоховым, – жаром глаз и рта, «порочно-жадными» губами, покачивающейся в бедрах походкой. Обои писатель лишает материнства (в самом начале «Тихого Дона» мелькает Дарья, поющая колыбельную младенцу, который потом бесследно исчезает, надо думать, умирает, «не дожив до года», ребенок Аксиньи от Степана, а скарлатина в том же младенчестве уносит дочь ее и Григория), по-разному делая ударение на их выдающихся качествах женщин-любовниц по преимуществу. И тем не менее главное и определяющее разводит их: Дарья живет в безличной стихии эроса, являя собой своеобразную казачью гетеру, с равной жаркой благосклонностью реагируя на попадающихся ей на пути мужчин; Аксинья – при том, что она зажигающе-страстна и со Степаном, и с Листницким, – прежде всего отмечена индивидуальным избранием единственной, абсолютной любви.

Эта любовь Аксиньи и Григория рисуется в романе в скупой череде нескольких ее взлетов: первое схождение, когда Степан уехал в лагерь, потом уход Григория от Натальи и совместная жизнь с Аксиньей в Ягодном, разрыв и только через четыре года новая встреча у Дона, примирение, одна ночь любви, затем трое суток в Вешенской, совместное отступление, когда сбылась мечта Аксиньи уехать с любимым, быть вместе, но уже ни одной, даже самой целомудренной, сцены эротической любви, а вступают в свои права дорожные лишения, грязь, вши, тиф, и, наконец, короткий тревожный период их любви после возвращения Григория из армии Буденного и в финале новый побег и смерть героини. Интересно, что Аксинья в любви (не считая, может быть, первого ее периода, когда ее с «бугаиной настойчивостью» добивался и добился молодой Гришка Мелехов) как бы

первична – увлекает, зажигает, раздувает огонь страсти. Особенно это становится очевидным ко второй половине романа, когда ее возлюбленный прошел через такие ужасы, душевное опустошение, взвалил на себя такие тяжкие грехи, каких не знает Аксинья. Через несколько лет после катастрофы их отношений они снова встречаются у Дона, их «многолетнее» чувство вспыхивает с новой силой, но кличет Григория сама Аксинья, и уходят они вдвоем на ночь «в степь, манившую безмолвием, темнотой, пьяными запахами молодой травы», – тут их любовной стихии словно тесна горница, нужна сама природа... Но что думает Григорий на следующий день, уезжая в дивизию? «Ну вот, опять по-новому завернулась жизнь, а на сердце все так же холодновато и пусто... Видно, и Аксютка зараз уже не сумеет заслонить эту пустоту».

А при новой встрече в Вешенской это она «обвилась диким хмелем», «осыпая короткими поцелуями нос, лоб, глаза, губы» Григория, неотрывно гладила его, говорила «несказанно-ласковое, милое, бабье, глупое», «у нее на щеках все сильнее проступал польщущий жаром румянец, и словно синим дымком заволакивались зрачки», – Шолохов выразительно рисует именно ее проявления чувств, ее, истинной носительницы зажигающего эроса, увлекающей любимого в мощный выплеск страсти, оргию чувства и чувственности. На руинах жизни, в постоянной угрозе навеки потерять любимого, горит огонь ее безоглядного и абсолютного эроса. Мощный контраст создает писатель в этой сцене: красные наступают на пятки, вокруг паника, суматоха, бегство, безумие, светопреставление, а они – на якоре своей любви, на жгучем острове страсти, где нет никого и ничего, кроме них двоих. И когда на третьи сутки Григорий выныривает из этого сладкого, одуряющего омута, решая съездить в Татарское, «разузнать, где семья», Аксинья в полной мере обнаруживает свои претензии на абсолют: или только она у него и с ним или... «Езжай! Но ко мне больше не являйся! Не приму. Не хочу я так!.. Не хочу!»

В финале «Тихого Дона» это требование и жажда абсолюта, которые обнаруживают глубины любви, еще раз прямо высказываются Аксиньей: «Везде пойду за тобой, хоть на смерть!». Кстати, только такая абсолютно любящая женщина смогла наиболее точно определить положение Григория в тисках судьбы и лихого времени: «Никакой он не бандит, твой отец, – объясняет она Мишатке. – Он так... несчастный человек». И эту почти формулу Мелехова писатель недаром припас читателю к самому концу, к итогу романа. Но тот же финал «Тихого Дона» гениально обнажает всю иллюзию обретения такого абсолюта в условиях земной любви и смертных земных обстоятельств. «Снова призрачным счастьем манила ее неизвестность» – Аксинья переживает взлет радости, но сколь кратким оказался этот миг! На полянке, пока спит Григорий, Аксинья то обрывает «губами фиолетовые лепестки пахучей медвянки», то нарывая «большую охапку» «душистых пестрых цветов» и плетет из них «нарядный и красивый» венок, воткнув в него еще «несколько розовых цветков шиповника». На последнее прощанье с героиней Шолохов щедро и тонко, предвосхищающе ведет мотив цветов, так таинственно близко стоящих и к высшей красоте видимого физического мира, и к его пахучести, но и к быстротечности явлений этого мира, да и к человеческому гробу и могиле, всегда усыпаемым теми же цветами.

Представляя Аксинью своего рода эталоном «любовной красоты» казачки, читатели (а вслед за ними и некоторые исследователи) чаще всего сравнивают её с языческими богинями (Афродитой, Венерой, Астартой и так далее). Действительно, в любви Аксинья в чём-то сродни языческим богиням. Яростная коловерт её страстей буквально завораживает, ослепляет, уводя на второй план, в так называемый внутренний сюжет, иные романские образы казачек.

В самом деле, Шолохов мастерски использует почти весь арсенал средств, которым пользовались языческие богини и их жрицы в любовной практике. Сцены встреч Аксиньи с Григорием почти всегда сопровождаются

«природными стихиями». Шолохов постоянно обновляет накал страстей между ними, то разлучая, то вновь сводя их. Трудно вспомнить цветы, которых бы автор не бросал на алтарь любовных чувств Аксиньи. И постоянно смущает подтекст: если это ландыши, то уже отцветающие, если листья, то «прошлогодние», тронутые тлением, гниющие, если красота, то «губительная», если любовь, то «маняще-порочная». И уже не случайным представляется в самом начале романа предупреждение: «Не лазоревым алым цветом, а собачьей бесилой, дурнопьяном придорожным цветёт поздняя бабья любовь». Переключка с иной (не христианско-православной) культурой здесь явная: афродизиаки широко использовались служительницами языческих храмов в практике приобщения мужчин к божественным ценностям. Не хуже «цветов Афродиты» возбуждали Григория «порочно-зазывающий взгляд» Аксиньи, её «порочно-жадные красные губы», «припухшие, слегка вывернутые, жадные», «зовущие, слегка вывороченные, порочно-красные». Постоянно подчёркивает Шолохов «исступлённость», «неистовство», «бесстыдство» чувств этой героини. Вот Аксинья, провожая мужа на службу, «держась за стремя, снизу вверх, любовно и жадно, по-собачьи заглядывала ему в глаза». Проводив Степана, уже с Григорием «неистовствовала в поздней горькой своей любви». При этом «так необычайна и явна была сумасшедшая их связь, так исступлённо горели они одним бесстыдным полымем», что смотреть на них «было срамно».

Мир в сознании Аксиньи излишне четко делится на «мое» и «чужое». И она постоянно это деление подчеркивает. В той или иной мере каждый человек и социальная группа делит мир на «своих» и «чужих». Объем каждой из этих групп определяет взгляд на мир: чем больше «своих», тем дружелюбнее мир. И наоборот. У Аксиньи «свой» – один, весь остальной мир враждебен: «Кроме Гришки нету у меня мужа. Никого нету во всем свете»; «У тебя хоть дети, а он у меня один на всем белом свете». Потому так яростно и защищает Аксинья «свое»: мой, им владею, не отдам, не лезь.

Цель Аксиньи: искутить – завладеть – беречь, не отдавать: «Одно она решила накрепко: Гришку отнять у всех, залить любовью, владеть и как раньше». Но любовь перерождает и ее. В ее речи появляются слова жалости и ласки: она сулит Григорию любить его и жалеть («Гриша, дружечка моя... родимый... давай уйдем. Кохать тебя буду, жалеть»), жалеет осиротевших Натальиных детей («Только детишек жалко, а об себе я и «ох» не скажу», «... Скучали, спрашивали – где батя? Я с ними по – всячески, все больше лаской»); «... А Михаил ничего с ними обходился, ласково. И Григорий, вспоминая Аксинью, представляет ее такой: «Вот она поворачивает голову, озорно и любовно, из-под низу разит взглядом огнисто-черных глаз, что-то несказанно-ласковое, горячее шепчут порочно-жадные красные губы...»

Через всю жизнь пронесла Аксинья любовь к Григорию, сила и глубина ее чувства выразилась в самоотверженности, в готовности следовать за любимым на самые тяжкие испытания. Во имя этого чувства она бросает мужа, хозяйство и уходит с Григорием батрачить к Листницким. Во время Гражданской войны она идет за Григорием на фронт, разделяя с ним все невзгоды походной жизни. И в последний раз по его зову она покидает хутор с надеждой найти вместе с ним свою «долю» на Кубани. Вся сипа характера Аксиньи выразилась в одном всеохватывающем чувстве – любви к Григорию.

2.3. Наталья – верная жена и мать.

Наталья в противовес Аксинье – верная женой и мать. И в этом контрастном противопоставлении образов многое идет от Гоголя. Он разделял чисто женское очарование и семейный материнский долг. Подобно матери сыновей Бульбы М. Шолохов подчеркивает в своих героинях: Наталье, Ильиничне, верующей матери Бунчука и других – не только самоотверженность, но и желание остановить заблудшую душу на путях греха.

Автор «Тихого Дона» непропорционально мало по сравнению с Аксиньей говорит о внешней привлекательности Натальи, но это вовсе не значит, что она ей в чём-то здесь уступает. Причем оценку женской привлекательности

будущей жены Григория Шолохов «доверяет» сначала именно Аксинье. Узнав, кого сватают для него родители, она против воли, в явной растерянности выговаривает: «Наталья... Наталья – девка красивая... Дюже красивая...». Сколько стоят подобные слова из уст соперницы – известно всем. Да и сам Григорий на смотринах убеждается в этом вполне: «Под чёрной стоячей пылью коклюшкового шарфа смелые серые глаза. На упругой щеке дрожала от смущения и сдержанной улыбки неглубокая розовеющая ямка. Под зелёной кофточкой, охватившей плотный сбитень тела, наивно и жалко высовывались, поднимаясь вверх и врозь, небольшие девичье-каменные груди, пуговками торчали остренькие соски... Подумал: «Хороша!» — и встретился с её глазами, направленными на него в упор. Бесхитростный, смущённый, правдивый взгляд словно говорил: «Вот я вся, какая есть. Как хочешь, так и суди меня». «Славная», — ответил Григорий глазами и улыбкой». Воспитанная на православной эстетике чувств, Наталья не умела развить внешний успех женским началам в себе. Вот, по-девичьи смущаясь, дарит она суженому, приехавшему на коне (как это полагалось) проведать перед свадьбой невесту, расшитый кисет. Григорий в ответ пытается притянуть к себе Наталью и поцеловать, но она стыдливо отклоняется: «Увидют! — А нехай! — Совестно...». Чисто донской характер Натальи привлекал всех нравственной чистотой, даром внимания и доброты к людям. Уважал её Пантелей Прокофьевич: казак вспыльчивый, скорый на словесную брань, он ни разу не повысил на неё голос. Любила и берегла её Ильинична, доверчиво делилась сердечными тайнами Дуняша, в «трудные» времена обращалась к ней за советом даже распутная Дарья.

Наталью в качестве будущей «берегини» и продолжательницы духовных и родовых устоев казачьего дома выбирает Ильинична, которую все исследователи творчества Шолохова называли «казачьей мадонной». Понятия о смысле жизни «донских мадонн» по-христиански человечны, благородны и некрикливо-созидательны. Главная черта таких женщин —

бескорыстное, по велению сердца подчинение личных интересов общесемейным или общественным. В силу возвышенности своей натуры они способны взять на себя даже тяжкий крест вины за несовершенство других, готовы на любовь и сострадание к самым разным людям, даже к тем, кто причинил им боль.

Ильинична не ошибается, когда связывает преемственность рода Мелеховых с Натальей. Преодолев душевный срыв после неожиданного и жёсткого удара судьбы, молодая казачка принимает решение возвратиться в семью, родной дом «непутёвого своего Григория». И пока традиционно-православный уклад жизни донского казачества ещё не был разрушен внешним управлением, ей это удаётся.

С незапамятных времён известен арсенал методов и средств, с помощью которых разрушаются чужие семьи женщинами— «разлучницами». В мастерской художника их обыденные образы преобразуются в романские, а цели переориентируются, наполняясь необходимым уже автору содержанием. И если не забывать о времени, в которое создавался роман-эпопея, следует признать: на роль разрушительницы традиционных семейных отношений наилучшим образом подходила с детства обездоленная, но ни перед чем не останавливающаяся в достижении своей цели Акси́нья. Защитницы же христианско-православного образа жизни вынуждены занять оборонительные позиции – художественное пространство внутреннего сюжета. В решении задач так называемого второго плана (внутреннего сюжета) Григорий и Наталья оказываются на одном фронте сопротивления разрушительным тенденциям надвигающегося на донской этнос русской нации лихолетья. Не только цели, но и результаты их сопротивления во многом сходны. Как Григорий искал справедливости и правды, «под крылом которой мог бы посогреться каждый», но поиск завершился катастрофическим выводом: «Одной правды нету в жизни. Видно, кто кого одолеет, тот того и сожрёт... А я дурную правду искал. Душой болел, туда-сюда качался», так и у Натальи не хватает сил и умения отстоять

традиционно казачьи ценности семейной жизни на основе полученного ею воспитания. Она ждала от жизни никем и ничем не оскверняемого счастья любви по святому и законному человеческому праву, а не по первобытному – жестокой борьбы за мужчину в опустошающем душу и сердце соперничестве.

В первый раз Наталья пошла в Ягодное на женский разговор со своей соперницей как равная с равной, казачка с казачкой. Но, как оказалось, встретились две культуры: культура чувств женщины, воспитанной на православно-христианских традициях, и культура чувств любви языческой, для которой нормы православия были лишь помехой. Аксинья, чувствуя полную телесную власть над Григорием, «лютует и глумится», стараясь побольше оскорбить, унижить его жену. В тот раз, замечает Шолохов, «игру вела она». Во второй раз Наталья пошла на встречу уже полностью уверенной, что такие, как Аксинья, привлекают мужчин распутной в своей основе любовью: «Не любишь ты его, а тянешься за ним по привычке <...> Ты и с Листницким путалась, с кем ты, гулящая, не путалась? Когда любят, так не делают».

Наталья высказывает единственно верную, как ей казалось, правду о сопернице: темпераментное, страстное, всё сокрушающее на своём пути буйство чувств и готовность делить эти чувства с тем, кто оказался рядом в трудную минуту. Но в чём-то здесь и не права она. Да, если любят, так не делают. Но когда Наталья называет Аксинью гулящей, та выкрикивает: «Я не Дарья ваша!». И тут она делает ошибку, потому что не замечает изменений, произошедших в Аксинье. И именно Аксинья оказалась духовно сильнее Натальи.

Полюбив Григория, Наталья безмерно счастлива, когда он сватается к ней. Но действительность жестоко растоптала чувство Натальи. Григорий сам сказал ей: «Не люблю я тебя, Наташка, ты не гневайся...» Наталья попыталась вступить в борьбу за свое счастье, но не выдержала ее.

Молча, затаенно она переживает свое горе, надеясь, что Григорий рано

или поздно вернется к ней. Прощает ему все, ждет его. Все хуторские сплетни и пересуды вызывают на ее сердце тупую, ноющую боль, но и это она сносит терпеливо. Любовь ее смиренно-страдальческая. Достаточно вспомнить ее письмо мужу: «Григорий Пантелеевич! Пропиши мне, как мне жить, и на все или нет потерянная моя жизнь? Ты ушел из дому и не сказал мне ни одного словца. Я тебя ничем не оскорбила... Думала, сгоряча ты ушел, и ждала, что возвратишься, но я разлучать вас не хочу. Пушай лучше одна я в землю затоптанная, чем двое. Пожалей напоследок и пропиши...» После оскорбительного ответа Наталья решает покончить жизнь самоубийством и только чудом выживает, изуродовав себя на всю жизнь. Когда Григорий вернулся, Наталья своим женским чутьём поняла: мир и любовь наконец-то пришли в их семью. Жизнь наполнилась всем богатством красок супружеского бытия, лучилась, как замечает Шолохов, «сияющей трепетной теплотой», а сама Наталья была как молодая яблоня в цвету – красивая, здоровая, сильная. И вдруг так трудно создаваемая семья снова рушится. Глубоко, до смерти ранят её сумбурные поступки окончательно запутавшегося в неразберихе социального лихолетья Григория, трудно объяснимые беспорядочные связи его с женщинами из прифронтовых хуторов, очередной отклик на призыв не смилившейся с поражением Аксины. Но сил для следующего витка борьбы за «непутёвого своего Григория» Наталья уже не почувствовала: слишком много их было отдано на первый. На созидание, как известно, их уходит гораздо больше, чем на разрушение. В горячечном, безумном порыве бессильного гнева она требует от неба справедливого возмездия за поруганную святость семейных уз, опошление чистой и преданной любви, позор как Мишатки и Полюшки, так и будущего их ребёнка, которого она носила под сердцем. «На фоне вставшей в полнеба грозовой тучи она казалась незнакомой и страшной». Крушение истин, на которых воспитывалась Наталья, многолетняя борьба за чистоту и святость семейных чувств обескровили её жизнь, она гибнет, во

второй – и последний раз – беря на себя смертный грех за грехи «непутёвого», но самого родного и близкого ей человека.

Трагедией оборачивается любовь Натальи. Она принадлежит к типу образцовой красавицы-казачки, которым откровенно любуется писатель, рисуя и ее еще девичий, невестин облик, и уже расцветший, женский. Облик и поведение Натальи отмечены не образом огня, как часто у Аксины, а образом света, пронизывающей лучистости («...глаза ее вспыхнули таким ярким брызжущим светом радости, что у Григория дрогнуло сердце и мгновенно и неожиданно увлажнились глаза»), за чем встает тонкая душевность глубин ее чувств, особая внутренняя чистота и красота. Недаром и загрубелое сердце мужа отзывается на такой интенсивный свет, оказываясь способным на растроганность и слезы, чего обычно не испытывает Григорий при виде Аксины, – здесь ощущения и чувства другие. Отношение Натальи к Григорию более целомудренно-стыдливо в своих непосредственно-чувственных проявлениях, чем у Аксины, пронизано нежностью и преданностью, нераздельностью физического и душевно-духовного. «Тайное, неуловимое» в ней выдает сокровенность ее душевных струй, запрятанную боль от исходно-непреодолимой дисгармонии человеческих чувств и отношений (она знает, что никогда не сможет на свой абсолют любви к мужу получить от него то же), такое знание пределов внутренней муки, что провело ее через самоубийственный серп, таинственно-ужасную грань между жизнью и смертью и навсегда чуть трогательно-жалко скривило ее шею (милая кривая уточка!). Связь Натальи с природой не менее прочная, чем у Григория или Аксины, только она не всегда явная, скорее пунктирная, потому что пейзажи, «параллельные» семейной жизни Натальи и Григория, ориентированы в первую очередь на мировосприятие Григория.

Обеим главным героиням романа, непримиримым соперницам, Шолохов дарует в чем-то сходный тип смерти: обе истекают кровью, медленно истаивают, так что остается от них одна чистая, белая форма, – правда, у

Натальи это происходит дольше и в сознании, ей нужно успеть и попрощаться с детьми, и простить любимого обидчика, а Аксинья так и не приходит в сознание, от нее жизнь враз и вмиг отрезана... Эпизоды, ставшие вехами на жизненном пути Натальи (возвращение в семью Мелеховых, реакция на известие о смерти мужа, описание попытки «упросить» соперницу отступить от Григория, *диковинная, сияющая* и *горячая* красота Натальи-матери, объяснение с Григорием после боя под Климовкой, последний выход на пепелище родного дома, «элегия прощания» с мужем в его последний приезд домой, сцена на бахче) имеют самую непосредственную связь с идеей Дома, семьи. Наталья умирает, и звучит в устах Мишатки её «последнее послание» – завет Григорию хранить то, что она создала с того момента, когда сияние венчальных свечей озарило её жизнь.

Смысловый полифонизм и символическая образность поднимают изображение судьбы героини до уровня разговора о всеобщих, сущностных качествах человека и человечества в целом. Финальное возвращение Григория Мелехова в родной дом – это возвращение к тому, что «выстроила» своей самоотверженной любовью Наталья.

2.3. Образ Ильиничны, женщины спокойной мудростью

Ильинична — хранительница семейного уклада. Она утешает своих Детей, когда им плохо, но она же сурово судит их, когда они совершают несправедные поступки. Страдает от нелюбви Григория Наталья, и ее страдание отмечено высокой нравственной чистотой. Оплотом семьи Мелиховых является мать Григория, Петра и Дуняшки – Ильинична. Это пожилая казачка, у которой взрослые сыновья, а младшая дочь Дуняшка – подросток. Старая женщина, неугомонная и хлопотливая, вечно занятая бесконечными домашними работами, кажется вначале незаметной, и в происходящих событиях мало принимает участия. Даже ее портретной характеристики нет в первых главах книги, а только некоторые детали, по которым можно судить, что эта женщина многое пережила: «сплошь

опутанная паутиной морщин, дородная женщина», «узловатые и тяжелые руки», «шаркает старчески дряблыми босыми ногами». И только в последних частях «Тихого Дона» раскрывается богатый внутренний мир Ильиничны.

Одна из основных черт характера этой женщины – спокойная мудрость. Иначе бы она просто не смогла ужиться со своим эмоциональным и вспыльчивым мужем. Без какой-либо суеты Ильинична ведет хозяйство, заботится о детях и внуках, не забывая и об их душевных переживаниях. Ильинична экономная и расчетливая хозяйка. Она поддерживает в доме не только внешний порядок, но и следит за моральной атмосферой в семье. Она осуждает связь Григория с Аксиньей, и, понимая, как тяжело законной жене Григория Наталье жить с мужем, относиться к ней словно к родной дочери, всячески стараясь облегчить ее труд, жалеет ее, порой даже дает лишний час поспать. То, что Наталья живет в доме у Мелеховых после попытки самоубийства, говорит о многом: в этом доме есть душевное тепло, в котором так нуждалась молодая женщина.

В любой жизненной ситуации Ильинична глубоко порядочна и душевна. Она понимает Наталью, которую измучили измены мужа, дает ей выплакаться, а потом пытается отговорить от необдуманных поступков: «Норов у вас, молодых, велик, истинный бог! Чуть чего – вы и беситесь. Пожила бы так, как я смолодужила, что бы ты тогда делала? Тебя Гришка за всю жизнь пальцем не тронул, и то ты недовольна, вон какую чуду сотворила: и бросать-то его собралась, и омерок тебе шибало, и чего ты только не делала, бога и того в ваши поганые дела путала... Ну скажи, скажи, болезная, и это – хорошо? А идол мой хороший смолоду до смерти убивал, да ни за что ни про что, вины моей перед ним нисколько не было. Сам паскудничал, а на зло срывал. Придет бывало, на заре, закричу горькими слезами, попрекну его, ну он и даст кулакам волю... По месяцу вся синяя, как железо ходила, а ишь выжила же, и детей вскормила, из дому ни разу не сочинялась уходить».

Она заботливо ухаживает за больной Натальей, за внуками. Осуждая Дарью

за слишком вольное поведение, тем не менее скрывает ее болезнь от мужа, чтобы тот не выгнал ее из дома. В ней есть какое-то величие, способность не обращать внимания на мелочи, а видеть главное в жизни семьи. Сильная, мудрая Ильинична постоянно хлопочет, волнуется и заботится обо всех домочадцах, пытается всячески оградить их от неприятностей, невзгод, от необдуманных поступков; встаёт между неудержимым в гневе мужем и самолюбивыми, темпераментными сыновьями, за что получает удары от мужа, который чувствуя преимущество жены во всём, таким образом утверждает.

Ильинична не разбиралась в событиях революции и гражданской войны, но она оказывалась намного человечнее, умнее, прозорливее Григория и Пантелея Прокофьевича. Так, например, она упрекает младшего сына, порубившего в бою матросов, поддерживает Пантелея Прокофьевича, который выгоняет со своего обоза Митьку Коршунова. «Этак и нас с тобой и Мишатку с Полюшкой за Гришу могли порубить, а ишь не порубили же, поимели милость,» – говорит возмущенная Ильинична Наталье. Когда Дарья застрелила пленного Котлярова, Ильинична, по словам Дуняши, «забоялась ночевать с ней в одной хате, ушла к соседям».

Всю жизнь она, не щадя своего здоровья, работала, наживая по крупицам добро. И когда ситуация заставляет её всё бросить и оставить хутор, она заявляет: «Нехай лучше у порога убьют, – всё легче, чем под чужим плетнём сдыхать!» Это не жадность, а страх потерять своё гнездо, корни, без которых человек теряет смысл бытия. Это она понимает женским, материнским чутьём, и переубедить её невозможно. Ильинична ценит в людях честность, порядочность, чистоту. Она боится, что окружающая их жестокость отразится на душе и сознании внука Мишатки. Она смирилась с мыслью, что убийца её сына Петра стал членом их семьи, женившись на Дуняше. Старая мать не хочет идти против чувств дочери, да и мужская сила нужна в хозяйстве. Ильинична примиряется, видя, как Дуняша тянется к этому человеку, как теплеет нервный, жёсткий взгляд Кошевого при виде

внука её, Мишатки. Она благословляет их, зная, что жизнь, какую она знала до сих пор, не вернуть, и она не в силах её исправить. В этом проявляется мудрость Ильиничны.

Сердце русской женщины-матери столь отходчиво, что Ильинична, ненавидя убийцу своего старшего сына Мишку Кошевого, порой испытывает и к нему материнскую жалость, то посылая ему дерюжку, чтобы не мёрз, то штопая одежду. Однако с приходом Кошевого в мелеховский дом ей выпадают душевные мучения, она в своём доме остается одна, никому ненужная. Ильинична, преодолевая тоску и боль своих потерь, сделала решительный шаг к тому новому, что будет после неё, чему будут свидетели другие, а с ними и её внук Мишатка. И как мало нужно было Кошевому проявить нежности, вовсе не к ней, а к её внуку Мишатке, чтобы она сделала этот рывок, воссоединяющий в нашем сознании в единый величавый образ Ильиничну – и молодую, и пожилую, и Ильиничну последних дней её жизни... Вот, собственно, кульминация душевного движения Ильиничны к тому новому, что будет после неё. Она теперь твёрдо знала, что «душегуб» не мог так нежно улыбаться Мишатке – Гришиному сыну, её внуку... И Ильинична, смирившись перед волей дочери, перед силой обстоятельств, перешагивает через естественное отталкивание от убийцы ее старшего сына, принимает в дом столь ненавистного ей, заряженного чуждой «правдой» человека и даже начинает чувствовать «непрощеную жалость» к нему, когда его выматывает, гнет и мучит малярия. Вот она – великая, искупительная жалость материнского сердца к заблудшим детям этого жестокого мира! А перед смертью отдает она Дуняше для Мишки самое дорогое – рубаху Григория, пусть носит, а то его сопрела уже от пота! Это с ее стороны высший жест прощения и примирения! В последних главах Шолохов раскрывает трагедию матери, потерявшей мужа, сына, многих родных и близких: «Она жила, надломленная страданием, постаревшая, жалкая. Много пришлось испытать ей горя,

пожалуй, даже слишком много...». «Твёрдая старуха» Ильинична «слезинки не выронила», узнав о смерти мужа, а лишь замкнулась в себе.

Похоронив в течение года старшего сына, мужа, снох, Ильинична больше всего боялась гибели Григория. Только о нем думает Ильинична. Только им жила она последние дни: «Старая я стала... И сердце у меня болит о Грише... Так болит, что ничего мне не мило и глазам глядеть больно». В тоске по сыну, который все не возвращался, Ильинична достает его старую поддевку и фуражку, вешает их на кухне. «Войдешь с базу, глянешь, и как-то легче делается... Будто он уже с нами...», – виновато и жалко улыбаясь, говорит она Дуняше.

Короткое письмо от Григория с обещанием осенью прийти на побывку доставляет Ильиничне большую радость. Она с гордостью говорит: «Маленький-то вспомнил про матерю. Как он пишет-то! По отчеству, Ильиничной, повеличал... Низко кланяюсь, пишет дорогой мамаше и еще дорогим деткам...». Война, смерть, тревога за любимого человека помирили Ильиничну с Аксиньей, и глазами Аксиньи мы видим горе безутешной матери, которая понимает, что больше не увидит ей сына: «Ильинична стояла, придерживаясь руками за изгородь, смотрела в степь, туда, где, словно недоступная далекая звездочка, мерцал разложенный косарями костер. Аксинья ясно видела озаренные голубым лунным светом припухшее лицо Ильиничны, седую прядь волос, выбившуюся из под черной старушечьей шальки. Ильинична долго смотрела в сумеречную степную синь, а потом не громко, как будто он стоял тут же, возле нее, позвала: «Гришенька! Родненький мой! – Помолчала и уже другим, низким и глухим голосом сказала: – кровинушка моя...».

Если раньше Ильинична была сдержана в своих чувствах, то в конце романа все меняется, она словно вся состоит из материнской любви: «Удивительно, как коротка и бедна оказалась жизнь и как много в ней было тяжелого и горестного, в мыслях обращалась она к Григорию... И на смертном одре жила она Григорием, думала только о нем...».

Образ Ильиничны в романе – это чистый образ материнства, образ «донской мадонны». И материнская любовь, благодаря этому образу, оказывается особенно натурально глубоко связанной с метафизическими пределами человеческой жизни: рождением и смертью. Только мать каждой клеткой своего существа, каждой каплей крови не может принять гибели сына, исчезновения его с белого света, куда она родила его на жизнь и радость. Сколько материнских слез, тоски, причитаний разлито по «Тихому Дону»! И зарываются матери в оставшиеся от умерших сыновей рубахи, ища в их «складках запах сыновья его пота», хоть какой-то, но материальный след и остаток от самого проникновенно любимого ими человека.

Итак, произведения русской литературы создают образы женщин, в которых отражаются национальные представления о важнейших качествах. Таков и роман М.Шолохова «Тихий Дон», в котором в женских образах выражается не только общечеловеческое представление о женственности, о роли женщины в жизни, но и прослеживаются тесные связи со всей национальной традицией в изображении женского характера.

ГЛАВА III. Язык романа "Тихий Дон".

3.1 Особенности символики романа

Язык романа "Тихий Дон" Михаила Шолохова неординарен. Нельзя сказать, что Шолохов открыл что-то новое в русской словесности, но в целом – по совокупности признаков – его проза выделяется среди общей массы произведений того времени. Рассмотрим некоторые детали, характерные для романа.

Первое, что привлекает внимание, это диалектная лексика и просторечия. Используются они не только для обозначения бытовых реалий ("майдан", "баз", "курень", "жалмерка" и т.п.), но значительно шире: и реплики персонажей, и авторский описания, частично изложены на диалекте ("гутарили про него на хутору чудное ..."). Кроме того, экспрессивность текста значительно повышается благодаря частому (по два-три раза на страницу) появлению эмоциональных морфологических производных:

"непролазь", "клевнятый", "заосенять". Такое пристрастие к диалектизмам может диктоваться как происхождением самого Шолохова, так и его желанием полнее погрузит читателя в мир донского казачества.

Следующая особенность стиля "Тихого Дона" – это его высокая метафоричность. Причем метафоры слабо организованны или неотобраны: они не выстраиваются в смысловой ряд, ассоциации носят локальный, дробный характер. Особенно нагружены метафорами пейзажи, картины природных явлений. Неоднородность образного ряда можно показать на примере описания грозы, разворачивающегося в пределах полутора страниц: сначала "первые зерна дождя засеивали отягощенную внешней жарой землю", затем "над самой крышей лопнул гром, осколки покатались за Дон", и, наконец, "дождь царапал ставни". В результате впечатление динамики процесса достигнуто, но образы не построены по аналогии, они ситуативны, принадлежат каждой конкретной фразе. При всем при этом метафоры Шолохова весьма оригинальны, некоторые из них сделали бы честь большому поэту. Многие сейчас уже затерты подражаниями ("полынная проседь", "под уклон сползавших годков"), но в то время это было новое веяние. Объяснением вышесказанного может быть молодость и неопытность талантливого писателя по началу и его нежелание менять устоявшийся стиль затем. С перегруженностью метафорами – по контрасту – сочетается прозрачность и простота синтаксиса. Текст написан короткими предложениями, преимущественно простыми. Когда описываются некоторые действия, то каждой фазе соответствует свое предложение. Ярким примером служит следующий отрывок: "Перед светом привезли старика домой. Он жалобно мычал, шарил по горнице глазами, отыскивая спрятавшуюся Аксинью. Из оторванного уха его катилась на подушку кровь. Вечеру он помер. Людям сказали, что пьяный упал с арбы и разбился". Короткие предложения не дают читателю оторваться, держат его в постоянном напряжении. Изредка появляются деепричастные обороты: без них текст был бы слишком сух. Неосложненные предложения, возможно, на уровне

подсознания еще раз подчеркивают простоту нравов казаков. Это подтверждается и тем, что степень сложности синтаксиса зависит от тематики эпизода. Обычно усложнение происходит в главах с выраженной лирической тональностью, тогда как простые синтаксические конструкции чаще присутствуют в изобразительных главах.

Еще одной особенностью языка "Тихого Дона" является сравнение человека с животными, не только в физическом, но и в духовном плане. Речь идет не просто о прямых сравнениях ("шел Степан под гору, как лошадь, понесшая седока"), но и о детализации описаний, когда у читателя возникает впечатление схожести со зверем, просто от изображения действия: "когда поворачивает Григорий голову, носом втыкаясь Аксиньи в подмышку", "Аксинья, вихляя все своим крупным, полным телом, пошла навстречу". К тому же, имеющиеся в романе сравнения с животными не пусты. Когда написано "так кидает себе волк на хребтину зарезанную овцу", персонажи действительно ведут себя так, двигаясь в соответствии с повадками упомянутых зверей. Такие сравнения показывают иногда исподволь, а иногда и явно близость героев и природы, которая является для Шолохова символом продолжения жизни.

Изучению своеобразия языка Михаила Шолохова в романе "Тихий Дон" можно посвятить не одну книгу. Но даже особенностей, перечисленных выше, достаточно для того, чтобы сделать выводы о чертах, отличающих творчество писателя и возможных причинах их появления.

Образ Аксиньи построен на развитии мотива огня и жара, на мотиве особой жизнестойкости героини и её даре «вчувствования» в природу. Мотив огня и жара впервые возникает в портрете героини на покосе, затем обретает роль символа неборимости любви-страсти. Запретная любовь оставляет отпечаток на гордом лице Аксиньи (на нём словно тавро *выжжено*), а «бесстыдноепольмя» любовной страсти проявляет себя мощно и агрессивно в столкновении с Пантелеем Прокофьевичем, и в

разлуке с Григорием «в глазах, *присыпанных пеплом* страха, чуть приметно тлеет *уголёк*, оставшийся от зажёванного Гришкой *пожара*».

«Огненные» образы становятся знаком истинности и исключительности чувства Аксиньи, они непременно присутствуют в сценах и авторских описаниях, связанных с Аксиньей и Григорием. И даже в момент признания Григория в нелюбви к жене присутствие Аксиньи обозначено «мерцающей кумачной крапинкой костра» в степи, «крапинкой», из которой вновь разгорается пламя: во время свидания в зимнем лесу *горят* стыдом и радостью Аксиньины щёки, а глаза вспыхивают «балованным отчаянным *огоньком*», а потом «*вся в огне* и дрожи» она ждёт известия от Григория, и даже боль, вызванная беременностью, боль до *огненных* брызг, не оставляет сомнений в том, что носит Аксинья ребёнка Григория, в её материнской любви – ответ пламенной любви к Григорию: Аксинья и к дочери прикипала *жгучим* чувством.

Встреча Григория и Аксиньи в Ягодном пронизана антитезными мотивами холода и огня: Григория *бьёт озноб*, а руки *пламенно горячи*; на *красных* губах Аксиньи – *замёрзшая* улыбка. И завершается сцена пейзажной зарисовкой, которая параллельна состоянию Аксиньи, понимающей неизбежность разлуки как расплаты за измену тому чувству, что связало её с Григорием. А мотив огня получает, казалось бы, завершение в мыслях Григория об Аксинье: «*Губительная, огневая красота* её не принадлежала ему». Эта красота подчёркнута вновь автором и в сцене расставания Листницкого с Аксиньей: уходя, он видит в *жёлтом* проёме покинутую любовницу – она смотрит на *огонь* и улыбается. И Степан, вернувшийся на хутор, тоскуя, долго смотрит на текучее стремя Дона, на *огнистый* след месяца на донской воде, и приходит решение вернуть *огневую* Аксинью, начать жизнь заново. Мотив жара и огня получает продолжение в сцене случайной встречи Аксиньи и Григория на берегу Дона, «по-новому завернувшей» их жизнь и

достигает кульминации в описании трёх «полыхающих жаром» дней в Вёшенской.

Параллельно с развитием этого мотива есть и другие природные зарисовки, созвучные ощущениям и переживаниям шолоховской героини (символический образ «жёлтой стыни», «солнечный» знак на щеке Аксины в сцене в подсолнухах, развёрнутые сравнения с вытоптаннами колосьями и снежной лавиной, пейзажи периода жизни Аксины в Ягодном и другие), а открывшееся Аксины «сокровенное звучание» леса в эпизоде с ландышем не случайно. Удивительно тонко выписанная картина природы поражает многозвучием, многопредметностью и детальностью, стереоскопичностью авторского взгляда, подчёркивает природность шолоховской героини, а мотивы печали, томительного ожидания, быстротечности жизни и неудовлетворённости желаний распахивают горизонты смысла конкретного эпизода.

Смерть Натальи, отступление вместе с Григорием, тяжёлая болезнь и возвращение в родной хутор, привязанность к детям Григория – всё это изменило Аксиныю, в её глазах увидел вернувшийся домой Григорий не огонёк горячечной страсти, а преданность и *сияние*. Способность Аксины ценить свою семейную жизнь восхищает автора. «В сущности, человеку надо очень немного, чтобы он был счастлив. Аксиныя, во всяком случае, была счастлива в этот вечер», – формулирует он главную мысль своего масштабного повествования.

И последний день Аксины отмечен *сиянием* её глаз. Аксиныя наслаждается прелестью летнего утра, её настроение удивительно созвучно окружающему миру, и она вновь готова идти за своим счастьем, идти *бездорожно*, твёрдо веря: «Найдём и мы свою долю!». И вся сцена приобретает двуплановость: в одной плоскости – вера Аксины в возможность обретения «полновесного счастья», в другой – трезвый авторский взгляд, обозначенный словами: «Снова *призрачным* счастьем манила её неизвестность», «мир казался ей

ликующим и светлым», ретроспективной и символическим образом венка с цветами шиповника.

Ночной пейзаж, наполненный тревогой и знаками надвигающейся беды, пронзает огненная вспышка, несущая смерть «огневой» Аксинье. Мотив огня и жара получает своё завершение: дневной свет теряет силу, потому что исчезновение символа «Аксинья – огонь, жар», влияет на солнце: оно становится чёрным, а исчезновение параллели последних эпизодов «Аксинья – свет», делает чёрным не только солнце, но и небо. Жизнь Григория без Аксиньи уподобляется чёрной, выжженной палами степи. Образ этой героини изумителен в своем драматизме, прямоте и страстности чувства. Именно страстность, мощная, почти звериная эротическая, жизненная энергетика объединяет Григория с Аксиньей – прежде всего на глубинно-натуральном уровне темперамента. Это два великолепных природных экземпляра казака и казачки, причем с ярко выраженным обратным и оттого особенно притягательным половым знаком: он – воплощение мужественности (дикуватая красота черных горящих глаз, густых разлетных бровей, коршунычьего носа, упругого сильного тела с густо поросшей шерстью грудью...), она – женственности, магнетической притягательной прелести. Не тепл, а горяч Григорий во всем: в типе эмоциональности, в порывистых реакциях, в неистовых вспышках гнева, в боевой лихости, в любви («Черт бешеный! ... истованный черкесюка» – брат Петро о нем). Аксинью тоже сопровождает образ жара, огня («жгла его полымем черных глаз»), эротической неистовости («А и люта же, братцы, баба! На Степке-то рубаху хоть выжми... Прикипела к лопаткам! – Выездила она его, в мылу весь...»). При всей огневой доминанте ее эротической природы не чужда ей и такая податливая, ласковая, преимущественно женская стихия, как вода, влага («влажные черные глаза», «В глазах Аксиньи, увлажненных и сияющих...») – тут, к концу романа, появляется еще и свет).

Обряд венчания и свадьба даны в романе под углом зрения Григория, а присутствие Натальи обозначено лишь дважды: непосредственно в

авторском описании («похорошевшая в сиянии свечей») и ассоциативно в пейзаже после венчания. В нём прихотливо переплелись все константные для шолоховской прозы образы – образы степи, Дона, неба. Полынный запах не обещает молодым лёгкой доли, горечь полыни будет сопровождать их всю жизнь. Дон – водная стихия – становится свидетелем этого союза, но синяя молния над ним, отсутствие солнца окрашивают пейзаж в мрачные тона, и лишь один звуковой образ – зазывно позванивающие бубенцы – и один цветовой – белая церковная ограда – соответствуют тому, что ощущает Наталья, мечта которой сбылась, да ещё накрапывающий дождь, по народной примете – к счастью.

Пейзаж, который даёт М.А. Шолохов в начале следующей главы, интонирован грустными, даже скорбными образами, явно противопоставленными праздничности события. Нагнетение цветковых и эмоционально-оценочных эпитетов, введение в пейзаж часовни вызывает вполне определённый эффект: описание природы разворачивается в эпическую картину жизни, жизни, наполненной печалью и скорбями. Рождение новой семьи отмечено не радостным сиянием дня, а печалью лиловых сумерек. Осенний пейзаж становится для молодых пейзажем-предзнаменованием.

Ещё более грустный и холодный пейзаж рисует писатель, отправляя Наталью и Григория пахать к Красному Логу. В нём вновь переплетаются образы, параллельные тому, что чувствуют оба героя. В высшей степени показательна пространственная модель этого пейзажа-предзнаменования: за бугром работают люди, свистят погоньчи, в степи же – прозрачная тишина. Описание постепенно поднимается вверх: чёрствая осенняя земля шляха, над шляхом – голубая проседь полыни, чуть выше – придорожный обломанный донник, ещё выше – «горюнок, согнутый в богомольном поклоне» и дальше – только небо, его «звонкая стеклянная стынь». Такая вертикаль, подчёркивает диссертант, характерна для особо значимых шолоховских пейзажей. Пустота и холод степи подчёркивают разъединённость героев. Полынь (её запах

доносил ветер в день венчания), горюнок (актуализирующий христианскую символику как напоминание об обряде венчания) определяют горечь признания Григория, во время которого автор вновь обозначает вертикаль: Наталья смотрит вверх, и направление её взгляда подчёркивает всё яснее проступающую отрешённость от земной жизни (звёздное займище недоступно высоко, странное цветовое сочетание – чёрно-голубая пустошь – готовит парадоксальную параллель – самоубийство Натальи и освобождённый Дон). То, что Наталья думает о смерти, подтверждает целый ряд символических образов: тоскливый и призывный крик журавлей, мертвенный запах отживших трав и томящаяся «в мерцающей девственной голубизне свежого снега» степь.

В сцене ссоры Григория с семьей Наталья не произносит ни одного слова, но в финале трижды звучит её голос: последнее, что слышал в родном доме Григорий – Натальин *плач в голос*, потом её *тоскующий вскрик* и последний, придавленный расстоянием, *горестный оклик*, в который она вложила всю свою боль за несбывшееся семейное счастье: «Гришенька, родимый!» В этом оклике – вся Наталья («родная») с её идеей жизни – идеей освящённого церковным обрядом семейного родства.

Если образ Аксиньи связан со стихией огня, то для психологической характеристики Натальи автор выбирает синий цвет. Получив от Григория ответ, не оставляющий надежды на его возвращение, она собирается в церковь, а мыслями постоянно обращается к *синему* клочку бумаги. И концентрация синего цвета в портрете («тонкая по-девичьи, *иссиня-бледная*, в прозрачной *синеве* невесёлого румянца»), в пейзаже («перламутровая *синь* раскинутых по улице лужиц») передаёт всё усиливающееся отчаяние героини, достигающее предела, когда все цвета переходят в один: в *черноту* сарая *ичёрную* тоску. В сцене на бахче состояние Натальи также соотнесено с цветовой палитрой пейзажа: многоцветность летнего дня вновь заменяется чёрным цветом. «Янтарно-жёлтый полдень» выписан яркими и чистыми, без примесей, красками: синее

небо, белые облака (правда, с настораживающим эпитетом *изорванные* ветром), золотые потоки сияющего света. А потом: ползущая с востока чёрная клубящаяся туча и крик-проклятие Натальи, жгуче-белая молния и властный приказ Ильиничны. Безумный, дикий порыв Натальи оставляет во всём мире только чёрный цвет. После грозы краски возвращаются: дивно зеленеет омытая дождём степь, встаёт над нею радуга, но мир Натальи остаётся бесцветным, прозрачным, как слеза или роса, и в момент её смерти ветер стряхивает с вишнёвых листьев *слезинки росы*.

В романе "Тихий Дон" мы видим, как тесное переплетения истинного таланта писателя, своеобразия народного языка юга России и нравов казачества образовали живой и колоритный мир, который надолго остается в памяти читателя.

Ой ты, наш батюшка тихий Дон!

Ой, что же ты, тихий Дон, мутнехонек течешь?

Ах, как мне, тихуДону, не мутну течи!

Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьют,

Посередь меня, тиха Дона, бела рыбица мутит.

Старинные казачьи песни

Природа тихого Дона, далекая степь и просторы выступают как отдельные герои в романе Шолохова «Тихий Дон». Писатель с любовью описывает те казачьи края, полные свободы, лучезарного солнца, полей, где ощущается полное единение человека с природой – идеала самого писателя. Пейзаж Шолохова создает картину мира, дополняет ощущение реальности происходящего. Во время военных действий писатель акцентирует внимание на морозящий дождь, пронизывающий ветер, нечто грохочущем вдалеке, морозный сизый туман. Описание природы предвосхищает приближающиеся события романа, подготавливает читателя к восприятию грандиозных последующих перемен. К примеру, описание пограничного состояния

природы, замершей в «ожидании» Верхнедонского восстания. Но в последней части романа вдруг «иным, чудесно обновленным и обольстительным, предстал мир, <...> проглянувший сквозь туман клочок чистого неба ослепил холодной синевой...». Шолохов не раз сравнивает «величаво распростертое» голубое небо, полное беспредельных просторов, с кипящей жизнью на земле, намекая на мысль о вечной жизни, вечного противоборства, что сродни с мотивом бесконечного неба с медленно плывущими облаками в романе эпопеи Льва Николаевича Толстого «Война и мир».

Сполна и мастерски Михаил Шолохов характеризует внутренний мир героев через явления природы. Пейзаж как средство выражения авторской позиции передает их настроение, сердечные бури и штили. Описание «снежной громадины, влекомой вниз из-за единственного толчка, сокрушающего все на своем пути» параллельно описанию много лет не проявлявшегося чувства в Аксиныи, которое вдруг прорывается при единственной встрече с Григорием. К концу романа сила чувства Мелехова и степень ощущения им потери описывается как «черное небо и ослепительно сияющий черный диск солнца». Автор использует психологический параллелизм в сцене проклятия Натальи своего мужа. Стремление героини отказаться от Бога, от естественных природных начал вторит разбушевавшаяся гроза. Писатель старается показать, что, если человек слит с родной природой, он из этого источника черпает свои душевные силы, иначе: он погибает. Михаил Шолохов очеловечивает природу, передает каждое изменение ее настроения. В каждом лирическом отступлении чувствуется любовь писателя к просторам, к земле, к каждому стебельку, к каждому листочку. Человек и есть сама природа, и мы неразрывны с ней. Особенно выделяется автором образ степи, который идет от народного представления о степи-матушке, кормилице, политой потом и кровью

живущих на ней людей. Также при описании пейзажа автор упирается на фольклорный источник:

Ой, да разродимая моя сторонка,

Не увижу больше я тебя,

Не увижу, голос не услышу

На утренней зорьке соловья.

Всколыхнулся, взволновался

Православный тихий Дон.

И послушно отозвался

Само название романа символично и многозначно. Тихий – «величественный», Дон лишь внешне спокоен и тих, на самом деле река полна водоворотов, подводных камней. Жизнь героев подобна течению реки, что Шолохов и доказывает в своей эпопее. Но в то же время как бы ни менялась жизнь, есть в ней что-то вечное, бессмертное. Меняются события истории, судьбы героев, но каждый год цветет степь, приходят и уходят холода, течет тот тихий Дон в вечность. В этом Шолохов философствует о круговороте жизни, о ее повторяемости и неиссякаемости. Безграничный простор лазоревой степи, солнце, дающее жизнь всему живому на земле, рождают в героях широту души, жажду действия, движения, неугасимое стремление к счастью.

Заключение.

В романе можно выделить два начала: внешнее движение и внутреннее, связанное с процессами разламывающегося социального уклада жизни. Среда казачья (хутор) предстает, на первый взгляд, как единое целое, неделимое. Но, как показано Шолоховым, внутри этой обособленной среды, «в каждом дворе, под крышей каждого куреня коловертью кружилась своя,

обособленная от остальных, полнокровная, горько-сладкая жизнь»[8]. И события исторические, социальные оказываются тесно связанными не только с жизнью казачьих семей, но и с внутренними движениями и развитием центральных персонажей.

С первых страниц появляются гордые, с независимым характером, способные на большое чувство люди. «Я хотел рассказать об обаянии человека в Григории Мелехове», – признавался Шолохов. А общий строй повествования убеждает, что писатель находился и под влиянием обаяния Натальи, Ильиничны, Аксиньи, Дуняшки. Главные ценности у Мелеховых – нравственные, человеческие: доброжелательность, отзывчивость, великодушие и трудолюбие.

Интересен нравственно-христианский подход в трактовке романа, в результате которого глубже раскрывается смысл отдельных эпизодов и параллелей. Любовная «смута» в семьях Мелеховых и Астаховых начинается в светлый праздник св. Троицы, который традиционно воспринимался казаками как радостное единение людей друг с другом, с Богом и созданной Им природой. Это время покоса, на который хутор Татарский выходил всем миром, в согласии и с желанием взаимопомощи. Не случайно Григорий Мелехов так внимательно относится к зарезанному им утенку: бесы разрушения как бы искушают человеческую душу малой кровью, чтобы засеять ее семенами губительных страстей. Сближение Аксиньи и Григория на покосе подается автором как начало длительного разделения и нестроений, поразивших когда-то дружные семьи соседей: «Рывком кинул ее Григорий на руки – так кидает волк к себе на хребтину зарезанную овцу, – путаясь в полах распахнутого зипуна, задыхаясь, пошел». Привязка событий и семейно-бытового, и социально-политического плана к праздникам Троицы и Пасхи носит символический характер. В «эпоху смуты и разврата» М. Шолохов восстанавливает традиционные ценности русской жизни от обратного. В мирное время при царской власти казачество позволило себе отступление от правды Христовой, и только через страдания, величайшие

муки совести и нравственные терзания оно вновь начинает обретать утраченную Истину.

Тема шолоховского романа – семья, простой человек в водовороте исторических событий. Впервые в русской литературе в «большом жанре» – романе – люди из народа оказались не среди второстепенных персонажей, а в самом центре. Каждый из характеров, изображенных М. Шолоховым, несет в себе ту неповторимость, которая составляет разнообразие и богатство человеческого мира.

Список использованной литературы

1.Общественно – политическая литература

4. Каримов И.А. Наша высшая цель независимость и процветание Родины, свобода и благополучие народа. Том 8.Ташкент: 2000

5.Каримов И.А. Либирализация общества углубление реформ, повышение духовности и уровня жизни народа- критерий и цель всей нашей деятельности. Т.15. – Ташкент. Издательско-полиграфический творческий дом «Узбекистон»2007.- 205

6. Каримов И.А. Человек и его права и свобода – высшая ценность. Т 14.- Ташкент. Издательство - полиграфический творческий дом «Узбекистон»2007.- 205

7. Каримов И.А. Гарантия нашей благополучной жизни – построение демократического правового государства, либеральной экономики и основ гражданского общества. Доклад на заседании кабинета министров, посвященном итогам социально – экономического развития страны в 2006 году и важнейшим приоритетам углубления экономических реформ в 2007 году. Ташкент: Узбекистон, 2007.- с. 61

2.Каримов И.А. Юксак маънавият энгилмас куч.- Тошкент: Узбекистон.2008

Художественная литература

8. Шолохов, М.А. «Тихий Дон». Собр. Соч. в 7 т. М., 1956. - Т. 2 : «Тихий Дон». - 400 с.
9. Шолохов, М.А. «Тихий Дон». Собр. Соч. в 7 т. М., 1984. - Т. 4 : «Тихий Дон». - 432 с.
10. Шолохов, М.А. «Тихий Дон». Собр. Соч. в 7 т, М., 1956. - Т. 5 : «Тихий Дон». - 496 с.

Научно-исследовательская литература

11. Авлеев, Р.В. М.А. Шолохов в западном литературоведении и литературной критике - Самара, 2006. - 167 с.
9. Андреев, Ю.А. Отображение исторической действительности в «Тихом Доне» (эпопея Шолохова в ряду других книг) Текст. / Ю.А.
10. Бахтин, М.М. Автор и герой : К философским основам гуманитарных наук. М., 2000. - 336 с.
11. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики Текст. М. : , 1986. - 524 с.
12. Бахтин, М.М. Литературно-критические статьи Текст. / М.М. Бахтин. М.: 1986. - 514 с.
14. Бахтин, М.М. Эпос и роман Текст. / М.М. Бахтин. СПб. : М., 2000. - 304 с.
15. Белов, П.П. Лев Толстой и Михаил Шолохов Текст. – Ростов., 1999. - 110 с.
16. Бирюков, Ф.Г. Художественные открытия Михаила Шолохова. М., 1976. - 350 с.
17. Блохина О.А. Григорий Мелехов: персонажные зоны в языке романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» М., 2006. 174 с.
18. Бройтман С.Н. Историческая поэтика. М. , 2001.-320 с.
19. Васильев В. Последние книги «Тихого Дона» и «Поднятой целины» в единстве исканий М.А. Шолохова. М., 2003. - С. 338 - 372.
20. Васильев В. Шолохов и русское зарубежье. М., 2003. -448 с.
21. Васильев, В.Г. О «Тихом Доне» М. Шолохова. Челябинск: , 1963. - 219 с.
22. Вешенские волны Текст. Ростов н/Д, 1980. - 234 с.

23. Воронцов А.В. Михаил Шолохов. Загадка советской литературы. М., 2005. - 400 с.
24. Глушков, И.И. Реализм М.Шолохова Текст. -Ростов н/Д, 1997. 284 с.
25. Горелов, А.А. «Тихий Дон» Шолохова и русское народное поэтическое творчество Л., 1996.-С. 62-80.
26. Гришаев, В.Н. Наш Шолохов. М., 2004. - 64 с.
27. Гура, В. Как создавался «Тихий Дон». М., 1980. - 440 с.
28. Дайреджиев, Б.Л. О «Тихом Доне». М. , 2002. - 292 с.
29. Девятов, В.Н. Проблема жанра «Тихого Дона» М. Шолохова М., 1984. - 174
30. Дырдин, А. Этюды о Михаиле Шолохове: Творчество писателя-классика в духовной культуре России. М., 1999. -95
31. Емельянов, Б. Эпос и трагедия в романе Шолохова «Тихий Дон» М., 1986. - 332 с.
32. Ермолаев, Г.С. «Тихий Дон» и политическая цензура, 1928-1991 Текст. / Г.С. Ермолаев. М.: ИМЛИ РАН, - 2005. - 253 е., 1 с. ил.
33. Ермолаев, Г.С. М.Шолохов и его творчество.М., - 2000. - 448 с.
34. Журавлева А.А. Михаил Шолохов. М., 1991.- 266 с.
35. Калинин, А.В. Время «Тихого Дона» -Ростов, 1978.- 176 с.
36. Карамзин, Н.М. Сочинения: В 2 т. Текст. / Н.М. Карамзин. -М., 1985.-Т. 2.-540 с.
37. Ковалев, В.А. Поэтика ЛЛ Толстого : Истоки. Традиции . М. , 1983.- 176 с.
38. Корман, Б.О. Изучение текста художественного произведения Текст. / Б.О. Корман. М., 1972. - 284 с.
39. Короленок, А.И. Шолохов и Гоголь (эпические традиции в жанровой структуре «Тихого Дона») М., 1984. - 178 с.
40. Котовсков, В.Я. Шолоховская строка: М., 1988. -174 с.
41. Котовчихина, Н.Д. Эпическая проза М.А. Шолохова в русском литературном процессе XX века. М. :, 2004. - 312 с.
42. Кузнецов, Ф. Ф. «Тихий Дон»: судьба и правда великого романа. М., 2005. — 864 с.

43. Кулинич, А.В. Михаил Шолохов: Очерк жизни и творчества. М., 1984. - 240
44. Литвинов, В.М. Михаил Шолохов .М., 1985. - 350 с.
45. Литвинов, В.М. Трагедия Григория Мелехова . М., 1996. - 133 с.
46. Лычкина, Ю.С. «Характер человека» в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» М., 2005. - 188 с.
47. Макаров, А.Г., Макарова С.Э. Вокруг «Тихого Дона»: от мифотворчества к поиску истины. М., 2000. - 102 с.
48. Мировое значение творчества Михаила Шолохова. Материалы и исследования. М., 1996. - 366 с.
49. Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. М., 2005. -812 с.
50. Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. М., 2005.-360
51. Михаил Шолохов. Статьи и исследования. М. , 1975. - 328 с.
52. Михаил Шолохов. Статьи и исследования. М., 1980. - 399 с.
53. Наш Шолохов. Слово о великом земляке . М.,1975. -182 с.
54. Овчаренко, А. Место Михаила Шолохова в литературе. М., 1984. - 207.
55. Осипов, В.О. Тайная жизнь Михаила Шолохова.: Документальная хроника без легенд. М., 1995. -415 с.
56. Петелин, В.В. Жизнь Шолохова. Трагедия русского гения .М.,2002. - 895 с.
57. Петелин, В.В. Михаил Шолохов. М., 1986. - 263 с.
58. Прийма, К.Н. «Тихий Дон» сражается. М., 1983. - 560 с.
59. Прийма, К.Н. Слово о «Тихом Доне». М., 1980.-48 с.
60. Семанов, С. «Тихий Дон» : «белые пятна». Подлинная история главной книги XX века. М., 2006.-416 с.

IV.ИНТЕРНЕТ

- 61.5ballov Особенности поэтики романа «Тихий Дон»Михаила Шолохова
- 62 [htt://](http://) **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.** образов романа «Тихий Дон»
- 63.best referat Женские образы в романе «Тихий Дон»

64. <http://www.lib.ru> История романа «Тихий Дон»

65. www.library.ru Герои Шолохова -их судьба

Содержание

Введение.....	3-15
Глава I. Художественная особенность романа «Тихий Дон».....	15-49
Раздел I. История творческого пути Михаила Шолохова.....	15-22
Раздел 1.2. Судьба человеческая – судьба народная в романе «Тихий Дон».....	22-29
Раздел 1.3. Григорий Мелехов — правдоискатель.....	29-49
Глава II. Женские образы в романе и их роль в композиционной структуре.....	49-69
Раздел 2.1. Женщина- воплощение народной нравственности и нерушимых жизненных устоев.....	49-58
Раздел 2.3. Наталья – верная жена и мать.....	58-64
Раздел 2.3. Образ Ильиничны, женщины спокойной мудростью.....	64-69
ГЛАВА III. Язык романа "Тихий Дон".	
Раздел I. Особенность использования цвета, языка, пейзажа в романе.....	69-79
Заключение.....	79-80
Библиография.....	81-84